

Джек Портер

.....

Еврейские партизаны
в Советском Союзе
во время Второй мировой
войны

С о в р е м е н н а я и у д а и н к а / и с т о р и я

Джек Нусан Портер

**Еврей-партизаны СССР во
время Второй мировой войны**

«Библиороссика»

2021

УДК 94(47)«1939/45»
ББК 63.3(2)62

Портер Д.

Евреи-партизаны СССР во время Второй мировой войны /
Д. Портер — «Библиороссика», 2021

ISBN 978-5-907767-07-2

В основе этой книги лежат десятилетия исследований, вызванных к жизни желанием внести ясность в вопрос об участии евреев в партизанском движении. Будучи сыном еврейских партизан, Джек Портер собрал в своем исследовании рассказы из первых рук, интервью с выжившими партизанами, а также мемуарные публикации и выдержки из «Партизанской дружбы» — исторического документа, составленного российско-еврейской интеллигенцией в 1948 году в разгар антисемитской истерии и написанного в основном нееврейскими советскими партизанскими командирами. В формате А4 PDF сохранён издательский макет.

УДК 94(47)«1939/45»

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-907767-07-2

© Портер Д., 2021
© Библиороссика, 2021

Содержание

Книга первая	6
Благодарности	6
Предисловие к объединенному изданию	8
Предисловие к первому изданию	10
Предисловие к четвертому изданию	13
Предисловие из оригинального русского издания 1948 года	14
От редактора	16
Предисловие: еврейское сопротивление в СССР	19
Часть первая	39
Партизанские рассказы Шмуэля Персова	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джек Нусан Портер Еврей-партизаны СССР во время Второй мировой войны

Jewish Partisans of the Soviet Union during World War II

Compiled and edited by Jack Nusan Porter with the assistance of Yehuda Merin

* * *

© Jack Nusan Porter, text, 2021

© Cherry Orchard Books, 2021

© М. А. Крисань, перевод с английского, 2023

© Academic Studies Press, 2023

© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2023

* * *

Посвящается памяти Иегуды Мерина (1925–2010) и Биньямина Веста

Нам очень не хватает их обоих, как и всех партизан, их жен и детей (в случае их смерти), которых я хорошо знал. Это Авраам Лерер, Моше (Моррис) Крамер, Абба Клурман, Ашер Флеи, Аврум Пухтик, Дов (Берл) Бронштейн, Аврум Бронштейн, Дов Лорбер, Сендер Ланде, Саши (Чарли) Заруцкий и, конечно, мои родители, Исроэль (Срулик) Пухтик (Портер) и Файгех Мерин Пухтик (Портер-Арензон).

Посвящение к первому изданию

*Посвящается моим родителям Ирвингу Портеру (1906–1979)
и Фэй (Мерин) Портер (1909–2009)*

Мой отец умер до выхода первого издания этой книги.

Пусть память о нем будет благословенна.

Не суди ближнего своего, пока не побывал на его месте.

Мудрец Гиллель, Пиркей Авот (Изречения отцов)

Я верю

Я верю в солнце, даже когда оно не светит.

Я верю в любовь, даже когда не чувствую ее.

Я верю в Бога, даже когда Он молчит.

Надпись на стенах подвала в Кельне, Германия, где евреи прятались от нацистов

Книга первая

Благодарности

В первую очередь я должен поблагодарить советскую армию за освобождение дома моих родителей и советское партизанское движение за то, что партизаны позволили моим родителям достойно сражаться и отомстить за смерть двух моих сестер и 25 членов моей семьи, которые умерли в одиночестве в темный канун Шаббата в сентябре 1942 года. Несмотря на то что я лично не приемлю то, как советские лидеры и бюрократы обращаются сегодня с евреями в Советском Союзе, в том случае, когда оно того заслуживает, следует отдать им должное, и заслуга советского народа и советской армии во время Второй мировой войны была велика.

Отдельной благодарности заслуживает покойный Биньямин Вест, редактор ивритской версии этой книги «Их было много: еврейские партизаны в Советском Союзе во время Второй мировой войны», опубликованной в 1968 году издательством «Labor Archives Press» издательского кооператива «Narovel Hatzair» в Тель-Авиве совместно с иерусалимским мемориальным институтом «Яд Вашем». Появление настоящей книги во многом стало возможно благодаря поддержке и одобрению идеи Вестом. Мне жаль, что он не дожил до выхода английской версии книги.

Следует также выразить благодарность моему двоюродному брату Иегуде Мерину из Тель-Авива, который первым показал мне эти мемуары и предложил перевести и издать их. Я особенно благодарен Моррису У. Шаппесу, Эриху Гольдхагену и Джошуа Ротенбергу за прочтение введения и критические замечания. Я также хочу поблагодарить за оказанную мне моральную и интеллектуальную поддержку и советы Лени Яхилия, Шломо Ноубла из Исследовательского института идиша в Нью-Йорке, Владку Мид из Еврейского комитета труда, Эли Зборовски из Американской федерации еврейских борцов, узников лагерей и жертв нацизма, Моше Кагановича из Тель-Авива, Юрия Сула из Нью-Йорка и Эли Визеля из Бостонского университета.

Я также должен упомянуть многих партизан, друзей моих родителей, щедро подбадривавших меня и оказывавших поддержку: Моше Флеша (Монреаль); Авраама Лерера (Кливленд); Джека Меламедика (Монреаль); Морриса (Мойше) Крамера (Филадельфия); Аврума Пухтика (Тель-Авив); а также Чунека Вольпера, Сашу (Чарли) Заруцкого, Ицика Куперберга, Берла Авруха, Иегуду Вольпера, Иосифа Цвейбеля, Вову Вербу, Якова и Берла Бронштейнов, Якова Карша, Аббу Клурмана, Исаака Авруха Иосифа Бланштейна, Сендера Ланду и, наконец, Берла Лорбера, командира партизанского отряда Крука, воевавшего под боевой кличкой Малинка и проживающего в настоящее время в Сиэтле, штат Вашингтон. Остальные по большей части живут в Израиле, некоторые – в Нью-Йорке, несколько человек – в Милуоки, Денвере и Советском Союзе.

Однако многие из тех, кто работал со мной над этой книгой, родились после войны. Я хотел бы поблагодарить Лори Смит и Дэнни Мэтта за помощь в переводе с иврита; Мори Шапиру за совет по поводу грантов; Сеймура Росселя за помощь в изменении порядка статей; и Дорис Голд за предложенное название.

Я также благодарю Мириам Магал и the Magal Translation Institute, Ltd., из Тель-Авива, которые взяли на себя перевод книги с иврита на английский язык. Они, как и я, должно быть, испытывают огромное облегчение, увидев ее в печати. Этой книге потребовалось почти восемь лет, чтобы выйти в свет!

Наконец, никакими словами нельзя по-настоящему выразить благодарность моей семье: моей жене Мириам; нашему сыну Габриэлю Александру; супругам Алмули, моим родствен-

никам; моей сестре Белле и ее мужу Митчеллу Смиту; моему брату Ребу Шлойме и его жене Шуши; и, наконец, моим родителям. Мои родители были неформальными редакторами на протяжении всего времени работы над книгой. Мне только жаль, что мой отец не дожил до момента выхода этой книги, но он был уверен, что когда-нибудь она будет опубликована.

Джек Нусан Портер

Бостон, Массачусетс

1 мая 1981 года

Prof. Jack Nusan Porter

79 Walnut Street, Unit 4

Newtonville, Mass. 02460-1331

Предисловие к объединенному изданию

Потребовалось время (30 лет), но Господь дал мне силы наконец переиздать эти важные тома об антифашистском сопротивлении в Советском Союзе во время Второй мировой войны, или, как ее называли в СССР, Великой Отечественной войны. Эти тома уже давно не выходили.

Спрос на эти книги рос, а экземпляров было мало. На самом деле второй том в твердом переплете настолько востребован, что продается на eBay или Amazon за 208 долларов. И у меня самого остался только один из немногих экземпляров этого тома. По какой-то причине первый том найти проще.

На протяжении многих лет ко мне обращались по поводу этих книг. В конце книги я привожу обновленную библиографию и фильмографию. Некоторые из этих вопросов я рассмотрю более подробно в следующей книге – «Как овцы на заклание? Еврейское сопротивление во время холокоста». В ней будет опубликовано гораздо больше эссе и интервью, которые мне не удалось поместить в этом томе.

Когда я впервые собрал эти истории, в конце 1970-х – начале 1980-х годов, большинство авторов были еще живы. Вышло много рассказов и мемориальных изданий книг; эта тема переживала свой расцвет. Россия все еще находилась под властью коммунистов, но материал было на удивление легко достать. Я помню, что мне приходилось расплачиваться за микрофильмы, книги или фильмы, такие как «Спутник партизана», посылая в Ленинскую библиотеку аналогичную по цене книгу по естественным наукам или биологии. Не деньги, а книги были нужны Советам!

Сегодня большинство партизан умерло, даже Иегуда Мерин, мой двоюродный брат и главный организатор общины волинских евреев в Израиле, умер два года назад (в 2010-м) в возрасте 85 лет. Это была большая потеря, доказывающая и мою собственную уязвимость. Сейчас мне 68 лет, время идет, и кто сделает эту работу, кроме меня? Были внесены исправления. Я обещал Иегуде их сделать. Прошу прощения, если какие-то недочеты все еще существуют. Я сделал все, что мог.

Я посвящаю эту книгу памяти Иегуды и всех остальных, как в Израиле, так и в Северной Америке, кто помогал мне: Биньямина Веста, Моше Кагановича, Аббы Клурмана, Моше Крамера, Аврума Лерера, Моше Флеша, Аврума Бронштейна и многих других. Мои соболезнования их супругам и детям: Идке, Эсти и Арику Шустерам; Любе Мерин и ее детям Мине и Йоси, их детям и супругам, а также всем остальным женам и детям партизан.

Сегодня старому коммунистическому правлению пришел конец. Советские архивы открыты для общественности; скрывать почти нечего; историкам есть чем заняться на десятилетия вперед. Тем не менее вопросы и сомнения остаются. Некоторые считают, что эти истории – просто коммунистическая пропаганда, и в какой-то степени это так, но пропаганда все равно может быть правдой! Эти истории имели место, даже если они приукрашены.

Кроме того, есть люди, испытывающие шок от того, что партизаны поступали неправильно: они убивали невинных людей (иногда это так, но большинство из убитых были пособниками нацистов или родственниками пособников); или что их деятельность привела к большому ущербу для евреев, к гибели большего числа людей (возможно, но они все равно были обречены умереть – лучше умереть достойно); или что эти рассказы не являются настоящей «наукой» (что правда, но они являются основой для науки; они являются жизненной силой науки); или что эти бойцы видели или понимали только ограниченные аспекты войны (правда, но в таком случае любой солдат видит только это; только генералы видят общую картину); или что «духовное» сопротивление равноценно физическому (это не так; нет ни одной молитвы в мире, с помощью которой можно было бы убить хотя бы одного нациста – это можно сделать

лишь с помощью пистолета и пуль, но, возможно, молитвы помогли бойцам выжить; как бы то ни было, вреда от них нет; так что на сегодняшний день это является предметом дебатов).

Политические дебаты и научные конфликты продолжаются.

Я лишь хочу внести ясность в эти истории. Есть старый еврейский анекдот о ссорах.

Приходят евреи к раввину и спрашивают:

– Ребе, когда произносится молитва Шма, надо сидеть или стоять?

Раввин им отвечает, что правы и те и другие.

– Ребе, но какова традиция?

Раввин отвечает:

– Традиция – в «борьбе», в споре, который будет продолжаться бесконечно. Это и есть традиция.

Да благословит Господь всех тех, кто погиб, и всех тех, кто выжил... и пусть «борьба» продолжается.

профессор Джек Нусан Портер

2 декабря 2012 года (мой день рождения)

79 Уолнат-стрит

Ньютонвилл, штат Массачусетс, США 02460-1331

Предисловие к первому изданию

Великий историк восточноевропейского еврейства Симон Дубнов, когда его везли напряженной волами телеге на смертную казнь, крикнул народу: «Yidn, farshraybt!» («Евреи, помните!», «Евреи, записывайте!»). И с тех пор евреи так и поступают. Нацисты пытались истребить целых два народа – евреев и цыган. У цыган не было письменной традиции (хотя у них была очень богатая устная традиция), и, следовательно, можно найти очень мало написанного о цыганах или написанного ими. Евреи, со своей стороны, следуют 11-й заповеди: «Ты должен писать».

Хиросима и Аушвиц. Это два знаковых события для нашего поколения. Невозможно ни об одном из них написать достаточно, и несмотря на это, все еще сохраняется немало невежества, двойственного отношения и черствости. Мир все еще не может сладить с собственным восприятием того, что евреи «позволили» себе пойти на смерть без борьбы. Молодежь, прежде всего молодые афроамериканцы, возмущены в особенности. Они говорят мне, что, «если это когда-нибудь случится здесь», они возьмут оружие и будут бороться. Их бравада свидетельствует о глубоком незнании нацистской эпохи.

В этой книге делается попытка прояснить ситуацию. Хотя она может восприниматься по-разному, ее следует рассматривать прежде всего как *документ*, исторический документ, собранный русско-еврейской интеллигенцией в 1948 году, на пике антисемитской истерии, но написанный в основном нееврейскими советскими партизанскими командирами, рассказывающими о подвигах еврейских бойцов в своих отрядах. Более того, первоначальный вариант этого сборника был написан на *русском языке*, а не на идише, несмотря на то что именно идишское издательство выпустило его первым. Почему эта книга была написана?...И почему на русском языке?... И почему в большинстве случаев не еврейми?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо кратко изложить историю. Основная часть этой книги впервые появилась в Москве в 1948 году под русским названием «Партизанская дружба» и была составлена редакторами московского издательства «Дер Эмес» (на идише «истина») и Еврейским антифашистским комитетом (ЕАФК). Этот комитет, состоявший из лучших еврейских писателей, поэтов и интеллектуалов, ставил своей главной задачей добиться всемирной поддержки Советского Союза в первые дни войны, когда Россия практически в одиночку противостояла нацистскому натиску.

С этим комитетом связана интересная история. В 1943 году два его руководителя, поэт Ицик Фейффер и знаменитый еврейский актер и режиссер Соломон Михоэлс, отправились с официальной миссией за границу, в еврейские общины США, Канады, Мексики и Великобритании. Решение об этой миссии было принято на самом высоком правительственном уровне в СССР. Сам Сталин не только санкционировал ее, но и придавал ей большое политическое значение. Михоэлс и Фейффер пробыли за границей около семи месяцев; они объехали 46 городов Соединенных Штатов и выступили перед аудиториями общей численностью более полумиллиона человек. По общему мнению, это было чрезвычайно успешное турне. Существует апокрифическая история о том, что перед отъездом из Америки Михоэлсу и Фейфферу подарили танк, купленный на деньги, пожертвованные еврейской общиной, танк с большой еврейской звездой на нем. Этот танк использовался Советской армией во время Второй мировой войны.

В любом случае доверие евреев к советскому руководству было высоким. Однако после войны Сталин, пока еще не до конца понятным причинам, больше не нуждался в еврейской поддержке, и в течение последних шести лет его жизни СССР был охвачен политическим террором и серией чисток. Еврейский антифашистский комитет пытался по-своему распространить информацию о той жизненно важной роли, которую евреи сыграли во время Второй мировой войны. Эта задача была нелегкой: евреев выставляли предателями государства и

пособниками нацистов. Первоначальные редакторы «Партизанской дружбы» быстро собрали материал, чтобы показать правду о том, что евреи были активными гражданами в сопротивлении и в Красной армии. Вот почему эта книга была адресована нееврейской аудитории.

Еврейских ветеранов войны, некоторые из которых были калеками, высмеивали на улицах: «Откуда у тебя, жида, эти медали? В кости выиграл? Купил на черном рынке?» Именно в это время редакторы издательства «Дер Эмес» и ЕАФК лихорадочно работали над тем, чтобы собрать эти воспоминания и представить их русскоязычной публике. Цель их работы была двоякой: во-первых, конечно, это должна была быть хроника участия евреев в сопротивлении, но имелась и более важная причина – ЕАФК должен был доказать, что евреи во время войны были не предателями и трусами, а храбрыми и верными борцами за родину. Еврейский патриотизм, другими словами, должен был быть подтвержден *документально* – не самими евреями, а нееврейскими офицерами армии и партизанских отрядов (некоторые из которых были национальными героями). Это придало бы еврейскому делу авторитет – авторитет, который мог бы признать Сталин и который советский народ должен был бы чтить.

ЕАФК был крупным центром документации событий и проблем советских евреев во время войны и в течение нескольких лет после нее. Он также выполнял важную миссию, издавая газету на идише «Эйникайт» («Единство»), которая доносила до еврейского населения много информации о холокосте, особенно об убийствах евреев и уничтожении еврейских общин. «Эйникайт» также печатала достоверные материалы о еврейских солдатах и офицерах, отличившихся в борьбе с нацистами, будь то на передовой Красной армии или в партизанском движении.

Сборник «Партизанская дружба» был подготовлен к печати в Москве 9 октября 1948 года. Видимо, выпустить книгу до того, как все культурные проекты на идише в Советском Союзе были ликвидированы, не хватило времени. Сталин начал чистку еврейских лидеров и интеллигенции: он закрывал еврейские школы и культурные центры, угрожал массовыми погромами против евреев. Многие из наиболее активных членов Еврейского антифашистского комитета, включая Михоэлса и Фейффера, были впоследствии убиты. Издательство «Дер Эмес» было закрыто в конце 1948 года, но книга «Партизанская дружба» все же вышла из печати ограниченным тиражом.

По иронии судьбы, несколько экземпляров русского издания сохранились в Ленинке (в настоящее время Российская государственная библиотека) в Москве, а 15 лет спустя израильский журналист Биньямин Вест услышал об этой книге и получил разрешение приобрести копию на микрофильме из архива библиотеки. В 1968 году в Израиле вышел перевод книги на иврит, выполненный Вестом. Мой двоюродный брат Иегуда Мерин из Тель-Авива увидел книгу и обнаружил в ней неизвестную ранее фотографию моего отца вместе с его командиром. И моя мать, и отец были активными участниками партизанского отряда, который воевал в окрестностях Ровно на Волини, на Западной Украине, с 1942 по 1944 год. В 1974 году я написал в Ленинскую библиотеку и получил экземпляр «Партизанской дружбы». Английский перевод, выполненный Институтом переводов Магаль из Тель-Авива, был сделан с иврита и сверен с русским оригиналом. Дополнительные материалы о партизанской жизни были переведены из других источников тем же институтом. Итак, эта книга отражает как личный, так и профессиональный интерес со стороны ее редактора.

Книга «Еврейские партизаны» – это социологическое обозрение еврейского партизанского движения в Советском Союзе. Она состоит из пяти частей, не считая введения. Первая часть, «Пролог», состоит из вымышленных рассказов Шмуэля Персова, русско-еврейского писателя, но этот вымысел настолько реалистичен, что его трудно отличить от подлинных рассказов, которые следуют далее. Вторая часть, «Инициативы на местах», начинается с двух версий партизанской клятвы и продолжается личными рассказами о посвящении в партизаны. Третья часть, «Партизанское общество», состоит из воспоминаний, написанных нееврейскими

русскими командирами, и посвящена социологической структуре партизанской жизни, включая гражданские лагеря, охраняемые этими партизанами. Она также содержит редкие сведения о двух аспектах подполья: роли женщин и роли СМИ (партизанский кинематограф). Четвертая часть, «Партизанская война», состоит непосредственно из рассказов о боевых условиях и задачах в борьбе с немцами. Она также содержит рассказы о партизанской войне в гетто Ковны (Литва) и Одессы (СССР). Книга завершается написанными Л. Зингером краткими высказываниями о евреях, награжденных почетными правительственными медалями, и волнующим заключением выдающегося советского писателя и журналиста Ильи Эренбурга.

Книга содержит карты региона, несколько партизанских документов, организационные схемы партизанского командования и структуры отдельных партизанских групп, а также раздел источников, глоссарий и аннотированную библиографию по еврейскому сопротивлению и смежным темам. Порядок статей в данном томе был пересмотрен.

Этот сборник является одновременно литературным документом и исторической реляцией. Когда эти воспоминания были опубликованы впервые, они использовались для пропаганды, отсюда и несколько «героический» стиль написания. Сегодня эти же мемуары стали историческими документами. Я постарался, как во введении, так и в примечаниях, указать на все ошибки и объяснить все излишества в тексте. Материалы этой книги не являются преувеличением, что подтверждают интервью с выжившими партизанами в Америке, Канаде и Израиле. Напротив, по сути, они затрагивают лишь самую поверхность героизма, имевшего место во время войны среди еврейских партизан. Я старался быть объективным, но не претендую на отстраненность.

Предисловие к четвертому изданию

Я очень рад, что издательство «Academic Studies Press» решило выпустить новое издание моей книги. Я хотел бы поблагодарить редакторов и сотрудников, Алессандру Андзани, Киру Немировскую и Мэтью Чарльтона. Замечательно, что у меня наконец-то появилась прекрасная группа поддержки. Писать – удел одиноких.

К сожалению, большинство героев этой книги уже умерли, но я рад, что успел записать их, так сказать, на пленку. Тем не менее десятки интервью хранятся в Яд Вашем в Иерусалиме, в Мемориальном музее Холокоста в США и в архивах Европы, где еще больше историй ожидают расшифровки и перевода. Многие из этих интервью написаны на идише, иврите или русском. Следовало делать больше визуальных интервью, но технология для этого появилась слишком поздно – большинство мужчин уже умерли. У женщин – партизанок и выживших – было больше шансов на визуальную запись.

В последних исследованиях также начали изучать исполнителей холокоста, тех, кто преследовал евреев, цыган и партизан. Недавний пример – документальный фильм компании Netflix «Айнзацгруппы»¹, а также другие фильмы о Гитлере и Второй мировой войне. Айнзацгруппы были специальными отрядами убийц, которые последовали за немецкой армией на завоеванную советскую территорию в июне 1941 года в рамках операции

«Барбаросса», после того как Гитлер нарушил пакт Молотова – Риббентропа и вторгся в Польшу и Украину.

В этом документальном фильме такие выдающиеся исследователи холокоста, как Кристофер Браунинг, Мартин Дин, Юрген Маттхаус и Кристиан Ингра, рассказали страшные истории о том, как убийства повлияли на эсэсовцев и их коллаборационистов – украинцев, литовцев, латышей и другие завоеванные группы. Нелегко было расстреливать, глядя в лицо этим еврейским женщинам и детям, среди которых, кстати, были две мои сестры и 25 членов моей семьи.

Поэтому, несмотря на тяжесть этих историй, я призываю вас продолжить чтение и прочувствовать храбрость и мужество этих бойцов, отомстивших фашистскому врагу. Пусть память о них будет благословенна.

Я пишу это в Тиша Б'Ав, девятый день месяца Ав, когда мы, евреи, вспоминаем самый печальный для нас день в году – разрушение Первого и Второго Храмов в Иерусалиме, а также холокост и все другие способы, которыми мир пытался нас уничтожить. И тем не менее, несмотря на все это, мы выжили.

Джесек Нусан Портер

Ньютонвилл, штат Массачусетс.

Тиша Б'Ав, 29 июля 2020 года

¹ Einsatzgruppen: The Nazi Death Squads / Айнзацгруппы: эскадроны смерти. Режиссер Михал Празан, 2009 год.

Предисловие из оригинального русского издания 1948 года

Предлагаемая вниманию читателя книга «Партизанская дружба» принадлежит к числу тех книг, которые рассказывают о героической борьбе советских людей в дни Великой Отечественной войны нашей социалистической Родины с фашистской Германией, – о борьбе в тылу врага, на временно захваченной гитлеровцами советской земле.

По своему характеру «Партизанская дружба» – сборник. В основу его положены материалы о боевых делах партизан-евреев, собранные Еврейским антифашистским комитетом в СССР. Содержание сборника составляют воспоминания бывших командиров и комиссаров партизанских соединений и отрядов, рядовых партизан, а также очерки, написанные советскими писателями и раскрывающие те или иные эпизоды партизанской войны, отдельные образы ее героев. В то же время «Партизанская дружба» – книга единого и цельного замысла. Все помещенные в ней материалы написаны на одну тему.

Тема эта – братская дружба советских народов. Дружба, взлелеянная, выпестованная гениальными вождями Лениным и Сталиным; дружба, которая установилась с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции, закалилась в грозные дни Гражданской войны, превратилась в монолитный сплав союза советских народов в годы их героической борьбы за выполнение сталинских пятилеток; дружба, которая нашла свое яркое выражение в Великой Отечественной войне с гитлеровскими захватчиками.

Сталинская дружба народов! Она была одним из решающих условий всемирно-исторической победы Советского Союза над фашистской Германией.

Еще в самом начале Великой Отечественной войны, в дни тяжелейших испытаний для нашей Родины, товарищ Сталин в своем историческом докладе 6 ноября 1941 года на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы говорил:

Немцы рассчитывали... на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьезного удара и первых неудач Красной армии откроются конфликты между рабочими и крестьянами, начнется драчка между народами СССР, пойдут восстания и страна распадется на составные части, что должно облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала. Но немцы... жестоко просчитались. Неудачи Красной армии не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР. Более того, – они превратили семью народов СССР в единый, нерушимый лагерь, самоотверженно поддерживающий свою Красную армию, свой Красный флот.

Братская дружба советских народов с исключительной силой проявилась в партизанской войне с фашистскими захватчиками.

Призыв вождя – разжечь партизанскую войну в захваченных гитлеровскими войсками районах, «создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников» – подхватили все советские патриоты.

В партизанских соединениях и отрядах воевали, как и в рядах Красной армии, советские люди самых различных национальностей. Советские патриоты, которые в силу тех или иных причин остались на территории, временно оккупированной врагом, и были способны носить оружие, шли в партизаны, мужественно и самоотверженно боролись за честь, свободу и независимость своей Отчизны, матери всех населяющих ее народов. В рядах «народных мстителей» вместе с русскими были украинцы, белорусы, грузины, армяне, латыши, узбеки, казахи,

евреи и сыны других советских народов. Все они чувствовали себя членами единой боевой семьи партизан.

«Народные мстители», воевавшие с ненавистным врагом в его глубоком тылу, являли замечательные примеры неразрывного братства, нерушимой дружбы, идейной, духовной близости людей, ощущающих себя одинаково родными перед лицом своей социалистической Родины.

Борьба партизан-евреев с фашистскими людоедами показана в книге «Партизанская дружба» как часть общей борьбы всех братских советских народов, единодушно вставших на защиту своей матери-Родины.

Плечом к плечу с партизанами всех других национальностей против немецких оккупантов сражались партизаны-евреи. Они взрывали в тылу врага мосты, жгли воинские эшелоны, уничтожали резервы фашистской армии, косили пулями ее генералов, офицеров и солдат, с ненавистью истребляя гитлеровскую нечисть, озверевших народоубийц.

Сборник «Партизанская дружба» раскрывает всего только несколько страниц героической партизанской борьбы советских народов, в братской семье которых, во главе с великим русским народом, защищали завоевания социалистической революции и советские евреи. Но в этих нескольких страницах, как солнце в капле воды, отражается величие всемирно-исторической победы советских людей, победы государственного и общественного строя великой страны социализма.

От редактора

Важно сделать несколько замечаний относительно стиля и риторики этого введения. Несомненно, советский народ вел героическую борьбу с нацистами. Он храбро сражался и понес большие потери; однако советские народы не всегда были «дружной семьей», какой их здесь изображают; они не всегда представляли собой «образец братства и дружбы, духовного и идеологического единства». Это было особенно заметно на ранних этапах войны, когда некоторые советские народы, например украинцы и латыши, открыто приветствовали нацистов, надеясь, что победа Германии освободит их от советской власти. Однако немецкая оккупация зачастую была настолько жестокой, что толкала эти народы обратно в объятия СССР. Роль евреев в партизанских отрядах и регулярной армии передана точно; евреи занимали четвертое место по количеству участников в этих отрядах, уступая русским, украинцам и белорусам. Несмотря на случаи антисемитизма в партизанских отрядах, евреи сыграли в войне значительную роль. Продемонстрировать этот факт и является истинной целью данной книги, несмотря на всю очевидную риторику.

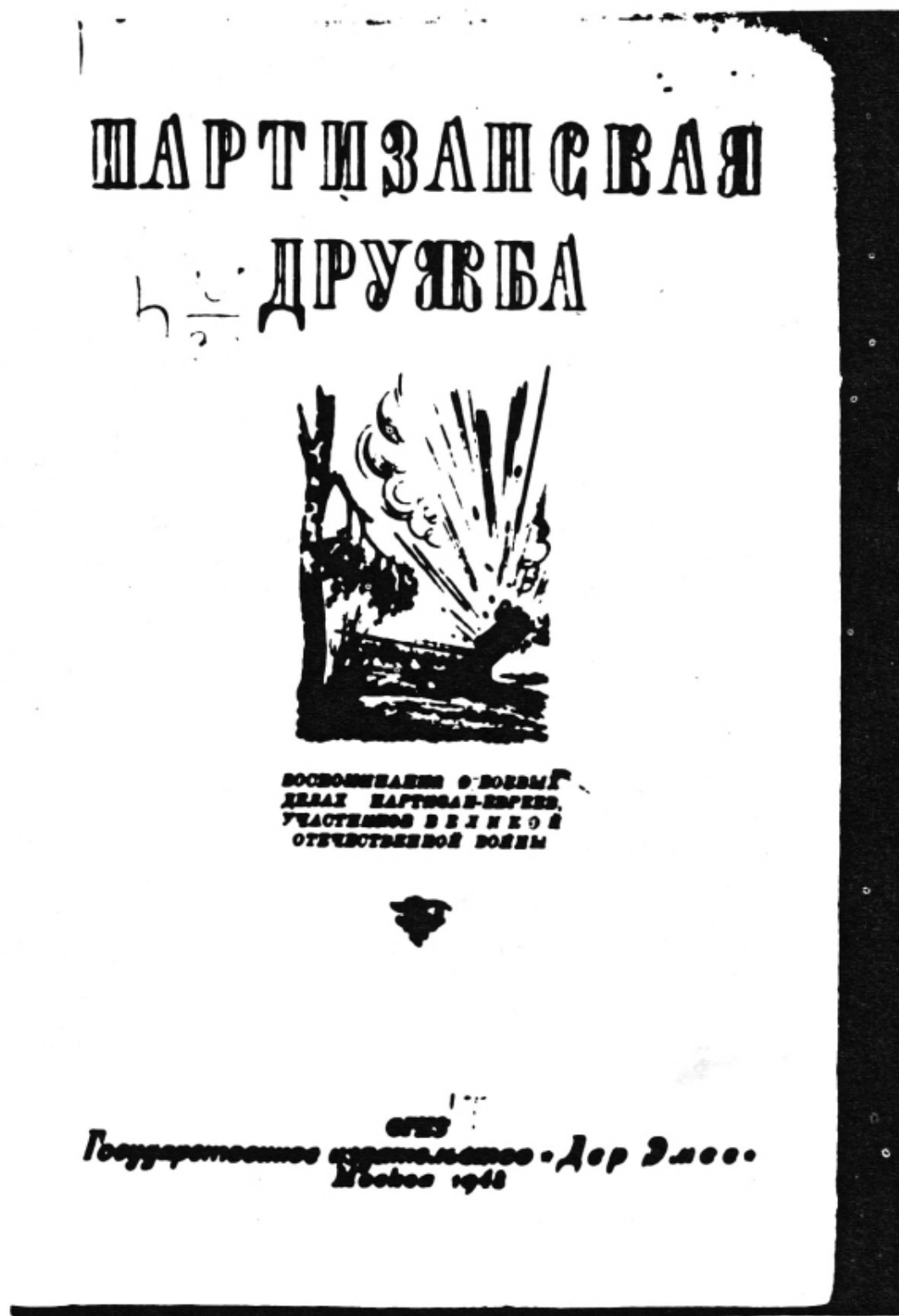

Рис. 1. Факсимиле русского оригинала книги «Партизанская дружба». Место хранения: РГБ (Ленинка) – Москва. Перепечатано с копии-микрофильма

СОДЕРЖАНИЕ	
<i>От издательства</i>	3
ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>В. Андреев</i> В Брязовских лесах	9
<i>П. Брайко</i> Кошпиковцы	27
<i>Г. Тимьков</i> („ <i>Батя</i> “) — Давид Кейман	36
<i>М. Салай</i> Мои соратники	45
<i>А. Федоров</i> Партизанская дружба	60
<i>А. Брянский</i> („ <i>Дядя Петя</i> “) — Эпизоды и встречи	69
<i>О. Ошхали</i> — В борьбе за Советскую Латвию	81
<i>Ф. Кануста</i> — В Белоруссии	91
<i>М. Елим</i> и <i>Д. Гельперн</i> — Партизаны Каунасского гетто	97
<i>Я. Мельник</i> — Трое на моего соединения	116
<i>Ю. Вбанацкий</i> — Слово о друзьях	122
<i>Н. Комищук</i> (<i>Крук</i>) — Их было много	128
<i>И. Кожар</i> — Виктор Шпотман	132
<i>И. Гельский</i> — Типичные биографии	135
<i>В. Кюкое</i> — Два партизана	139
ОЧЕРКИ	
<i>Л. Стонов</i> — Дружба	143
<i>А. Письменный</i> — Комиссар Наум Фельдман	153
<i>И. Черный</i> — Метители Минского гетто	160
<i>С. Персов</i> — В Одесских катакомбах	167
<i>О. Салих</i> — Кинорежиссер и партизан	174
<i>С. Беркин</i> — Сова Гугина	184
<i>С. Давидовский</i> — Отряд имени Державина	186
<i>В. Гершенимова</i> — Командир „Боевого“	189
☆	

Рис. 2. Факсимиле русского оригинала оглавления книги «Партизанская дружба»

Предисловие: еврейское сопротивление в СССР Джек Нусан Портер

Миф о еврейской трусости

Вторая мировая война стоила четыре триллиона долларов и унесла жизни более чем 50 миллионов мужчин, женщин и детей, включая не только шесть миллионов евреев, но также восемь миллионов китайцев и 20 миллионов советских граждан! [Hoyle 1970: 323–324]². Ученым зачастую не хватает сло в, чтобы описать такой холокост.

С холокостом до сих пор связано немало мифов, лживых утверждений и полуправд. Одним из наиболее спорных является утверждение, что евреи были «трусами» и что они пассивно шли на смерть, как «овцы на заклание», если использовать популярный и уже приевшийся оборот. Подобные путаные утверждения, обвинения, двойственность в оценках продолжают существовать, в особенности среди молодежи.

Пробное исследование 42 студентов-евреев из нескольких университетов на востоке США, проведенное Уильямом Хелмрайхом, социологом Городского колледжа Нью-Йорка (CCNY), показало, что их глубоко волнует тема холокоста. Их реакция на поведение европейских евреев во время войны была следующей [Helmreich 1975: 104]:

Как евреи позволили отправлять себя в лагеря? Почему они не сопротивлялись? Если бы меня отправили в лагерь, думаю, я бы дал отпор и отказался ехать.

Студент предпоследнего курса CCNY (20 лет)

Евреи как бы смирились с этим и пошли в концлагеря, как овцы.

Первокурсник Йельского университета (18 лет)

Почему они не сражались? Кто-то и боролся, но недостаточно. Ни у кого не хватило мужества дать отпор. Даже среди американских евреев.

Второкурсник Бруклинского колледжа (19 лет)

Европейские евреи совершили ошибку, поверив в свою религию настолько сильно, что ограничили свой кругозор. И поэтому вели себя как кучка...

Старшекурсник Йельского университета (20 лет)

Вопрос о трусости чрезвычайно важен, и на него очень трудно дать ответ. Приведенные выше цитаты четко соотносятся с настроениями молодежи, неспособной сопереживать ситуации, которая оказалась непостижимой даже для тех, кто с ней столкнулся, и для тех даже, кто оказывал сопротивление. Вскоре после суда над Эйхманом в 1961 году (о котором большинство этих студентов может и не помнить) появился ряд книг и статей. Одни авторы обвиняли жертв; другие их защищали. Сегодня, 15 лет спустя, спор по-прежнему не утихает. Жертв до сих пор считают трусами, хотя появляется все больше и больше исследований, делающих эти дебаты бесполезными.

² Эти цифры в случае китайцев и евреев отражают количество смертей среди гражданского населения. В случае советских граждан примерно семь миллионов человек из 20 миллионов погибших были гражданскими лицами; остальные 13 миллионов были советскими солдатами.

Рауль Хильберг в своей важной книге «The Destruction of the European Jews» («Уничтожение европейских евреев») отмечает почти полное отсутствие сопротивления со стороны евреев [Hilberg 1961: 662–669]³. Социальный историк Ханна Арендт в своей книге «Eichmann in Jerusalem» («Эйхман в Иерусалиме») придерживается теории соучастия, согласно которой евреи помогли нацистам в их собственном уничтожении. Более того, она описывает еврейское сопротивление как дело групп, которые были «удручающе малочисленными, невероятно слабыми и никакого существенного вреда нацистам не нанесли» [Арендт 2008: 183]⁴. Психиатр Бруно Беттельгейм также согласен с «теорией соучастия», и в своей книге «The Informed Heart» («Информированное сердце») он почти умоляющим тоном задается вопросом: «Неужели никто из тех, кому суждено было умереть, не сопротивлялся? <...> Лишь очень немногие» [Bettelheim 1960: 263]⁵.

Рут Кунцер в очень проникательной статье о литературе по холокосту, отвечая Беттельгейму, Арендт и Хильбергу, говорит следующее:

Тезис [Беттельгейма], столь же модный сегодня, как и тезис Арендт, о неспособности тысяч постоянно голодающих, систематически подвергавшихся жестокому обращению и дегуманизации людей восстать без оружия и сотрудничества извне, страдает, по тонкому замечанию Джорджа Штайнера, «от недостатка воображения» [Kunzer 1975: 6; Steiner 1970].

Этот «недостаток воображения» – неспособность понять, что главный вопрос заключается не в том, почему восстаний было так мало, а в том, почему среди всех этих смертей и разрушений проявлений сопротивления было так много. Причина сохранения мифов и заблуждений заключается в том, что фактическая роль евреев скрывалась, в особенности русскими и украинцами. Не только факт участия евреев в сопротивлении и их присутствия в советской армии замалчивался, но зачастую их участие изображалось как сотрудничество с нацистами [Ainsztein 1974: 394, 396; Eliav 1974: 177–179]. Вот почему эта книга, когда она появилась, была так важна – и почему она также оказалась изъята.

Интересно также отметить, что Арендт, Беттельгейм и Хильберг – немецкие или австрийские евреи. Русские или польские евреи редко были склонны называть себя и своих соотечественников трусами. Еврейский теолог Элиэзер Берковиц объясняет подобные обвинения фактом отчуждения евреев от иудаизма; они таким образом порочат мучеников своего народа, чтобы найти себе более эмоционально комфортное место в распадающемся западном обществе [Berkovits 1973: 36]. Другими словами, когда такие еврейские ученые, как трое вышеупомянутых, говорят о «трусливых жертвах», или о «еврейском инстинкте смерти», или о «еврейском соучастии в собственной смерти», они, по сути, находят гениальный способ избежать столкновения с горькой правдой: Аушвиц открыл последнюю главу в моральном распаде западной цивилизации. Для этих западных интеллектуалов, преданных идеалам западного (и немецкого) рационализма, подобный диссонанс слишком велик, чтобы с ним справиться. Поэтому они находят козла отпущения – еврея, но в действительности навешиваемый ими ярлык имеет обратную направленность, потому что *они* тоже евреи.

Беттельгейм писал, что сопротивлявшихся было «очень мало», а Арендт назвала еврейское сопротивление «ничтожно малым» и «по существу безвредным». Однако именно эти «очень немногие» удерживали в Варшавском гетто генерала СС Юргена Штропа и его команду из 1000 гренадеров танкового корпуса СС, 1000 человек кавалерии СС, двух подразделений артиллерии, одного подразделения армейских инженеров, а также вооруженные подразделения латышских и литовских СС в течение почти четырех месяцев, с 19 апреля 1943 года по

³ См. также [Suhl 1975: 3–4].

⁴ См. также [Robinson 1965: 213–223; Schappes 1963].

⁵ См. также [Robinson 1970].

конец августа 1943 года, имея лишь несколько винтовок, горсть гранат и множество самодельных «коктейлей Молотова».

Именно «по существу безвредный» характер еврейского сопротивления заставил даже Геббельса признать: «...теперь мы знаем, что могут сделать евреи, если у них есть оружие» [Suhl 1975: 6]⁶, а в письме рейхскомиссару Лозе в Ригу комисс ар вермахта Бремер 20 ноября 1941 года подчеркнул, что

...еврейское население составляет авангард пропаганды, сопротивления и саботажа против немцев в Белоруссии. <...>

...в городах Белоруссии евреи составляют большую часть населения и движущую силу движения сопротивления... и везде, где сообщения о саботаже, подстрекательстве населения, сопротивлении и т. д. заставляли нас принимать меры, евреи оказывались инициаторами и зачинщиками, а в большинстве случаев даже исполнителями [Suhl 1975: 239–240].

В другом докладе рейхскомиссару Лозе 31 августа 1942 года генерал-комиссар Вильгельм Любе, гауляйтер (администратор) Белоруссии, сделал аналогичные замечания:

Во всех столкновениях с партизанами в Белоруссии выяснилось, что как на территории генерального комиссариата, ранее входившей в состав Польши, так и на российской территории, евреи – наряду с польским повстанческим движением на западе и силами Красной армии на востоке – были главными лидерами партизанского движения⁷.

Таким образом, мы имеем документальное подтверждение того, что немцы были одновременно поражены и встревожены вооруженными евреями. На самом деле в некотором смысле немцы были в восторге, потому что еврейское сопротивление должно было очистить совесть нацистов от сомнений касательно убийства «невинных гражданских лиц» и одновременно дать им повод ускорить свою программу «решения еврейского вопроса».

Между тем существовало множество форм сопротивления, и проходило оно под разными обличиями и при разных обстоятельствах. Оно могло быть вооруженным и невооруженным, организованным и неорганизованным, спланированным и спонтанным, пассивным и активным, наступательным и оборонительным, а также моральным, духовным и психологическим, и каждая форма была связана с риском для жизни.

Пассивное сопротивление, известное как «белое сопротивление», также принимало различные формы: побег из гетто, ведение дневника, занятия по ивриту, молитвы, исполнение еврейских песен, изучение Библии, публичное ношение пейсов и бороды, ведение еврейской культурной и художественной жизни. В условиях свободы эти действия воспринимаются как должное, но жизнь в европейском аду возводила эти же действия в ранг героизма.

Многие люди отказываются признавать те или иные формы сопротивления. Например, существует особый вид сопротивления, основанный на религиозном или моральном принципе (например, вера в ненасилие), когда человек не может и не хочет оказывать вооруженное сопротивление, предпочитая страдать или даже умереть, чем подчиниться требованиям врага. Отец и мать, которые спокойно шли на смерть, рука об руку со своими маленькими детьми, продолжая верить в Бога, в Киддуш ха-Шем (святость мученичества), при этом до конца сохра-

⁶ Йозеф Геббельс, гитлеровский министр народного просвещения и пропаганды, оставил эти замечания в своем дневнике, тем самым отдав невольную дань уважения восстанию в Варшавском гетто в апреле 1943 года.

⁷ Приводится во введении к изданию этой книги на иврите 1968 года [West 1968: 11]. Это письмо также цитируется в работе Ю. Кармиша [Karmish 1957].

няя Киддуш ха-ХайМ (освящение жизни) – их семья вместе, их духовная вера непоколебима – это тоже был героический поступок⁸.

Однако люди ожесточились от вида слишком большого количества насилия, от просмотра слишком большого количества вестернов и фильмов о войне. Они хотят слышать только о вооруженном сопротивлении, единственном реальном виде сопротивления для них. Вооруженное сопротивление происходило на четырех основных «фронтах».

Восстания в гетто

Вооруженные восстания происходили в крупных еврейских гетто Европы: Варшавы, Вильны, Белостока, Лахвы, Минска, Ченстоховы, Слонима, Клецка, Бедзина, Несвижа, Бра-слава, Глубокого и некоторых других. Мы знаем об организованных еврейских подпольях в Ковне (Каунас, Литва), Кракове, Риге, Риме, Одессе, Париже и Брюсселе, а также по всей Чехословакии, Венгрии, Италии, Франции, Бельгии, Голландии, Греции и Польше.

Не всем удалось осуществить свои планы: некоторые группы были обнаружены и убиты нацистами до того, как смогли выполнить свои задачи. Городское подполье и вооруженные восстания были, по сути, продолжением общего партизанского движения; в этом случае партизан можно рассматривать как городских, а не сельских. Между ними довольно часто существовала пропасть, и восстание в Варшавском гетто в 1943 году было трагическим примером тому: еврейские повстанцы были изолированы от общего нееврейского сопротивления.

Однако нельзя делать обобщения о враждебности евреев и неевреев внутри партизанского движения. Необходимо исследовать конкретные обстоятельства, связанные с каждым случаем. То, что было справедливо для Варшавы между польскими и еврейскими группами сопротивления, неприменимо, например, для Парижа, где было гораздо больше сотрудничества. В Париже еврейским подпольным группам удалось устроить засаду и убить нескольких высокопоставленных немецких офицеров; а в Кракове (Польша) им удалось взорвать кафе, где были убиты несколько немецких чиновников. Можно было бы более подробно рассказать о восстаниях в еврейских гетто, но на эту тему написано много книг, и я отсылаю читателя к ним (см. библиографию). Но приведу еще один, последний пример «городских партизан».

Еврейское сопротивление существовало даже в самом Берлине. Юрий Суль в своей антологии «They Fought Back: The Story of Jewish Resistance in Nazi Europe» («Они давали отпор: история еврейского сопротивления в нацистской Европе») посвящает целую главу молодежной группе Герберта Баума, состоявшей из 30 немецких евреев (почти всем им было около 22 лет), которые вели подпольную повстанческую деятельность в 1937–1942 годах. В конце концов к ним внедрились, их раскрыли и казнили, и сегодня на кладбище Вайсензее в Восточном Берлине им установлен памятник [Mark 1975].

Восстания в концентрационных лагерях

Второй этап сопротивления имел место в самих концлагерях. В отличие от партизанского сопротивления в лесах, сопротивление в «лагерях смерти» и в закрытых еврейских гетто было, по словам Эриха Гольдхагена, восстанием под страхом смерти, последней попыткой борьбы перед лицом окончательного уничтожения. Не было никакой надежды на успех в победе над врагом и почти никакой надежды на то, что восстание удастся пережить. Тем не менее организованные восстания происходили в концентрационных лагерях Аушвица, Треб-линки, Собибора и Колдычева, в лагере на Яновской улице во Львове (тогда Лемберг, Польша) и в ряде других небольших лагерей.

Можно сказать, что сам факт выживания в этих лагерях вообще был актом сопротивления. Однако, в дополнение к актам пассивного (духовного и психологического) сопротивле-

⁸ Подробное обсуждение этой темы см. в [Esh 1962].

ния, было немало проявлений евреями активного мужества. Собибор – тому пример. Там 14 октября 1943 года произошло восстание, в котором участвовало 350 человек. Десять эсэсовцев были убиты, а 38 украинских охранников либо убиты, либо ранены.

Сбежало от 400 до 600 заключенных; почти половина из них погибла на заминированных полях вокруг лагеря, но остальным удалось выжить и уйти в лес, чтобы присоединиться к уже находившимся там партизанским отрядам.

Среди руководителей аувшицкого подполья, взорвавшего крематорий в последние дни войны, были Юзеф Циранкевич, впоследствии ставший премьер-министром Польши, и молодая еврейка Роза Робота – одна из многих еврейских женщин, сыгравших важную, хотя и ограниченную роль в еврейском сопротивлении [Foxman 1968: 117–119; Suhl 1975: 189–195, 219–225].

Участие евреев в вооруженных силах союзников

Сопротивление в гетто и в концентрационных лагерях было двумя относительно незначительными и малоэффективными формами борьбы. Несомненно, во много раз более эффективной была роль евреев в национальных вооруженных силах и в партизанских отрядах, которые по мере продолжения войны часто вливались в регулярные армейские части. Везде, где евреям разрешалось участвовать в общей борьбе в составе своих национальных вооруженных сил, их присутствие было весьма внушительно.

В регулярных армиях и флотах союзников участвовало около полутора миллионов еврейских солдат и офицеров. Даже крошечная палестинская еврейская община внесла свой вклад в дело союзников в количестве 26 000 солдат. Только из Соединенных Штатов воевало 550 000 евреев; из них более 1000 пали в бою, а еще 10 000 умерли от ран. Великобритания предоставила в британскую армию 62 000 евреев – в дополнение к примерно 25 000 из других частей Британского Содружества, а Канада направила в свою армию 17 000 евреев⁹.

Что касается Восточной Европы, то, согласно официальным источникам, в первые дни сентябрьского блицкрига 1939 года в боях пало чуть более 32 000 евреев – около 15 % от общего числа жертв; 61 000 евреев попала в плен – около 14 % от общего числа 420 000 польских солдат, попавших в плен, что, в свою очередь, составляло 52 % от общей численности польских вооруженных сил в 800 000 солдат. В целом около 150 000 евреев находились на действительной службе в польской армии в начале войны.

В Советском Союзе, по приблизительным оценкам, в рядах Красной армии сражались более полумиллиона евреев. Многие из них пали в бою, а более 100 000 были награждены за доблесть и преданность долгу. Более 100 евреев (цифры варьируются от 105 до 147) получили звание Героя Советского Союза, одно из самых высоких званий¹⁰. Авраам Х. Фоксман в своей главе о еврейском сопротивлении в прекрасном справочнике «The Jewish Catastrophe in Europe» («Еврейская катастрофа в Европе») приводит два примера.

Русско-еврейский лейтенант Моше Беркович был дважды награжден за героизм Орденом Красной Звезды. В рукопашном бою он убил штыком трех немецких солдат, двух задушил голыми руками, а немецкого офицера взял в плен живым. А один из величайших актов мужества совершили трое еврейских солдат (Паперник, Очерет и Римский), Герои Советского Союза, которые обвязали себя ручными гранатами и бросились под наступающие немецкие

⁹ Данные приводятся по [Foxman 1968: 122–123].

¹⁰ Фоксман цитирует Рубена Айнштейна [Ainsztein 1966: 8]. См. также [West 1968: 9]. Некоторые могут усомниться в ценности этих наград, потому что очень многие вручались советским командованием как солдатам, так и партизанам для поднятия боевого духа. Это может быть правдой, но выдающиеся подвиги тем не менее совершались часто, что отражают эти медали, даже несмотря на то, что очень многие из них просто раздавались.

танки, что было одной из многих отчаянных попыток отбить немцев на ранних стадиях боев на советском фронте [Ainsztein 1966: 14].

Евреи также участвовали в национальных армиях Франции, Греции и других оккупированных стран. Палестина не только направляла офицеров, солдат и врачей в войска союзников, но и вела обширную, хотя и неэффективную подпольную деятельность. Хана Сенеш стала примером халуца (израильского пионера), погибшего от рук нацистов. Палестинские подпольщики также активно участвовали в нелегальной иммиграции в Израиль европейских беженцев во время войны и после ее окончания¹¹.

Участие евреев в партизанском движении

Именно среди партизан евреи могли действовать наиболее эффективно не только в борьбе с немцами, но и в спасении семей и отдельных людей из гетто. За бегством из гетто и концентрационных лагерей следовало присоединение к силам, действовавшим в лесах, хотя, как будет показано далее, большинство еврейских подпольщиков принимали решение остаться в пределах гетто и не бросать своих собратьев до последней минуты. Участие евреев в партизанских отрядах происходило в каждой стране, где существовало движение сопротивления. Однако в данном предисловии речь пойдет главным образом о сопротивлении в Советском Союзе, у которого во время войны была самая большая партизанская организация и самое большое число еврейских партизан.

Согласно сильно преувеличенным оценкам, в партизанской войне на территории СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Греции, Бельгии, Голландии, Болгарии и Италии участвовало более 100 000 еврейских бойцов¹². Более правдоподобные оценки – максимум 50 000 человек, из которых 25 000 еврейских партизан в Советском Союзе; 10 000 в Польше; 10 000 во Франции, Голландии и Бельгии; 2000 в Югославии; 2500 в Чехословакии; и более 1000 в Греции, Италии и Болгарии. Эта цифра все еще впечатляет, и, возможно, она может быть несколько выше, учитывая тот факт, что еврейская принадлежность некоторых партизан так и не стала известна их товарищам или командирам. Роль евреев не следует преувеличивать, но и не следует недооценивать или принижать.

Военные действия – это лишь один из аспектов деятельности движений сопротивления; другие действия включают в себя подпольную политическую организацию, сбор разведанных, пропагандистскую и прозелитскую деятельность, а также дипломатические усилия по получению помощи извне. Партизанская борьба во время Второй мировой войны была ориентирована на проведение небольших наземных боевых операций, направленных скорее на преследование противника, чем на его уничтожение. Партизаны могут действовать практически в любых условиях – в глубине тропических джунглей, в урбанизированных центрах, в густых лесах и горах. Наиболее эффективно партизанское движение во время войны действовало в горных районах Югославии, Италии и Греции, а также в густых лесных и заболоченных районах западной России, Украины и Белоруссии.

Партизанская война редко оказывается решающей сама по себе; ее основная цель состоит в том, чтобы запугать и замедлить врага, а также вести контрпропаганду и запугивание до тех пор, пока регулярные армейские части не станут достаточно сильны, чтобы вступить в бой с противником. Обычно партизанскую войну используют общества и группы, слишком слабые, чтобы защищаться в открытом бою, но крупные войска нередко дополняли свои обычные

¹¹ Подробнее о Хане Сенеш см. [Syrkin 1947].

¹² Это, конечно, очень приблизительные оценки. См. [Foxman 1968: 123; Ainsztein 1974: 393–396; Gutman 1974: 114–116].

военные столкновения тщательно продуманными партизанскими кампаниями. Это особенно характерно для советских партизан¹³.

Партизанские организации, как правило, бывают очень гибкими и децентрализованными, а их тактика обычно сводится к мелким налетам на линии снабжения, полицейские и военные объекты, небольшие заставы, склады топлива, железнодорожные линии и другие слабо защищенные цели. Из-за своего небольшого размера и ограниченных военных целей партизанские отряды часто бывают способны избегать открытых столкновений с регулярными вооруженными силами и, таким образом, могут отвлекать непропорционально большую часть военной мощи противника. В любом исследовании сопротивления наряду с обычным военным анализом необходимо принимать во внимание социальный и политический контекст.

Партизанская война в Советском Союзе

Советское партизанское движение возникло после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года (операция «Барбаросса») и стало как по замыслу, так и по размаху крупнейшим нерегулярным движением сопротивления в военной истории¹⁴. Оно сочетало в себе все классические элементы движений сопротивления прошлого с современными средствами связи, транспортом и оружием и на пике своего развития включало гораздо большее число людей, чем когда-либо ранее привлекалось в нерегулярные силы. Точную общую численность советского партизанского движения никогда не удастся установить; по самым оптимистичным оценкам, к 1 января 1942 года она достигла 30 000 человек, к лету 1942 года выросла до 150 000, к лету 1943 года – до 200 000, затем к июню 1944 года немного снизилась до 150 000 или 175 000, поскольку партизанская территория была возвращена советскими войсками. Текучка среди партизан в результате потерь, болезней и дезертирства на протяжении трех лет довела общее число участников советского партизанского движения до 400 000 или 500 000 человек. Эти цифры включают только партизан, зачисленных в регулярные, организованные на постоянной основе боевые отряды. Сюда не входят множество агентов, диверсантов, саперных групп, а также врачей, медсестер, поваров и другого дополнительного персонала. Из организованных партизан часть могла действовать самостоятельно, а иногда объединялась с боевыми отрядами¹⁵.

Рубен Айнштейн утверждает, что в советском движении участвовало не менее 20 000, а возможно, и 25 000 евреев. Он отмечает, что это впечатляющая цифра, если соотнести ее с численностью других народов в СССР, и кроме того, если принять во внимание тот факт, что советское партизанское движение стало интегрирующей силой, способной вобрать в себя десятки тысяч бойцов на оккупированных территориях *уже после того, как нацисты уничтожили большую часть евреев Восточной Европы* [Ainsztein 1974: 280]¹⁶.

Объяснить этот феномен поможет описание этапов развития партизанского движения и изменения в составе его бойцов¹⁷.

Движение постоянно находилось в динамическом состоянии. На первом этапе, почти сразу после нападения немцев на СССР, то есть в июне 1941 года, партизанское движение было создано за немецкой линией фронта, частично благодаря независимой деятельности членов компартии, офицеров Красной армии и советских сержантов. Оно в значительной степени

¹³ См. [Osanka 1962], особенно [Osanka 1962: 475–508] (библиография); см. также [Osanka 1968; Howell 1956].

¹⁴ Это оценка офицера армии США и историка Эдгара М. Хауэлла [Howell 1956: 203].

¹⁵ Эти данные составлены на основании официальных немецких источников. См. [Ziemke 1964: 151].

¹⁶ Выделено в оригинале. Детали см. в [Ainsztein 1974: 393–396].

¹⁷ Исходная информация об этих трех этапах была получена из трех источников: [Ainsztein 1974: 280–281; Howell 1956: 204–205; Ziemke 1964: 148–150, 194–196].

зависело от членов партии, которые в отдельных отрядах составляли до 80 %, хотя не были редкостью и отряды с членством в компартии 25–40 % участников.

Вплоть до конца 1941 года и до весны 1942 года партизанское движение можно было охарактеризовать как добровольческое. Первые группы были довольно небольшими, моральный дух был низким, руководство, часто назначенное властями, оставляло желать лучшего, и, следовательно, на немецкую армию ими оказывалось незначительное влияние. Хотя они и не препятствовали немецким наступательным операциям, они затрудняли бесперебойное функционирование немецкой оккупации, и им удалось, по крайней мере в некоторых районах Белоруссии и Украины, заручиться пассивной поддержкой жителей, заложив основу для зарождения сомнений в целесообразности сотрудничества с нацистами или оказания им поддержки. Число евреев, присоединившихся к партизанам на этом этапе, было небольшим и незначительным.

Второй важный этап наступил весной 1942 года, когда партизаны стали набирать людей. Доля членов компартии быстро сократилась, хотя сами по себе ее члены все еще были довольно важны как инструменты государственного контроля, как замполиты и комиссары.

Значительно возросло количество отставших от частей Красной армии, и вместе с призывом крестьян эти две группы составили около 80 % от общей численности движения. Центральный партизанский штаб был создан 30 мая 1942 года, и советские офицеры были десантированы в немецкий тыл для организации деятельности растущего числа партизан. Этому центральному штабу, подчиненному сталинской Ставке верховного главнокомандования, понадобилось еще около года, чтобы начать координировать и установить централизованную систему контроля и командования на огромной территории, простиравшейся от линии фронта на запад до Польши.

Большинство евреев, ставших партизанами, сделали это в 1942 году и в первой половине 1943 года. Хотя немцы все еще были очень сильны, а партизаны все еще прилагали усилия к тому, чтобы закрепиться, моральный дух был высок. Партизанское движение ожило. Приток офицеров Красной армии и отставших красноармейцев (некоторые из которых сражались небольшими группами с июля и августа 1941 года) в значительной степени повысил профессионализм партизан. Призыв в партизанские отряды набирал обороты и продолжался до 1944 года. Наиболее решительный и заметный сдвиг последовал за большими потерями, которые немцы понесли в ходе первой встречи с печально известной русской зимой в декабре 1941-го и январе

1942 года. Она ослабила легко одетых немцев, и немецкая армия, подобно гигантскому слону, на которого напали шакалы, застряла в ожидании весеннего тепла.

Последний этап партизанского движения совпал с поворотным пунктом войны, который произошел после Курской битвы в июле

1943 года. С этого момента советские войска перешли в наступление, а немцы после двух лет жестоких боев стали отступать. В августе и сентябре 1943 года, после провала попытки вермахта возобновить наступление в ходе неудачной операции «Цитадель», Красная армия начала общее полномасштабное наступление, и одновременно партизаны провели первые крупномасштабные атаки в тылу врага. В целом, по существующим оценкам, роль партизан в этих действиях не была в полной мере эффективной, но фактически она оказалась весьма успешной [Howell 1956: 205]. Более 20 000 подрывных устройств было установлено на железнодорожных путях в тылу немецкой группы армий «Центр», которая приняла на себя основную тяжесть советского наступления. Кроме того, проводились масштабные диверсии на железнодорожных объектах, шоссе, складах боеприпасов и газохранилищах, сигнальных сооружениях, а также интенсивная пропаганда и террор, которые привели к широкомасштабному дезертирству среди немецких вспомогательных войск и полиции.

С конца 1943 года и до конца войны, в результате побед Красной армии и массовых поставок оружия белорусскими и украинскими партизанскими штабами, вступить в ряды партизан стало относительно легко, но к тому времени почти не осталось евреев, которые могли бы воспользоваться изменившимися обстоятельствами [Ainsztein 1974: 394]. Кроме того, изменился состав партизан. В 1943 году возникла новая волна добровольцев. Многие из них вызывали сомнения: военные и политические коллаборационисты, управленцы и специалисты, которые пытались продолжить свою деятельность в условиях немецкой оккупации. Были и такие, которые решились вступить в ряды партизан, потому что жизнь между партизанами и немцами оказалась для них невыносимой. Точное число таких людей назвать невозможно, но вполне вероятно, что оно было довольно велико, особенно в Украине и Литве. В сочетании с крестьянами, которые присоединились ранее, весной 1942 года, эти новые люди в еще большей степени затрудняли сохранение дисциплины. К счастью, к этому времени советская армия перешла в наступление, отбросив немцев. Таким образом, неэффективность партизан на этом этапе не оказала решающего воздействия на исход войны.

Состав советского партизанского движения

Наиболее значительными группами в партизанском движении были крестьяне, отставшие красноармейцы и бежавшие военнопленные, которые составляли большинство; за ними следовали городской контингент, интеллигенция, члены компартии, коллаборационисты и, наконец, женщины [Ziemke 1964: 141–146]. Евреи относились к категориям городского контингента и интеллигенции, меньшее число составляли красноармейцы.

Крестьяне

Крестьяне, вероятнее всего, составляли от 40 до 60 % партизан, многие из них оказались в партизанском движении против своей воли. Поскольку партизаны могли свободно перемещаться по большинству сельских районов, им было относительно легко заходить в деревни, отбирать мужчин и отправлять их к партизанам. Хотя крестьяне стремились оставаться нейтральными, они не видели другого выбора, кроме как присоединиться к партизанам, особенно после того, как власть немцев на оккупированных территориях начала слабеть. Крестьяне были отдельной группой – пассивной, лишенной энтузиазма и не заслуживающей доверия. Это были практичные оппортунисты с одним непреодолимым желанием – отменить колхозы. Поэтому в начале войны они были готовы терпеть немецкий режим, если могли извлечь из него экономическую выгоду. Им не нравилось сдавать свою продукцию немцам, но еще меньше им нравилось сдавать ее и немцам, и партизанам. Они оказались перед выбором между немецкой жестокостью, с одной стороны, и советской коллективизацией, с другой.

Городской контингент

Если среди крестьян было очень мало убежденных коммунистов, то городское рабочее население, напротив, находилось под сильным влиянием коммунистической идеологии. Советская программа индустриализации впечатлила рабочих. Тем не менее были определенные городские классы, такие как бывшие богачи и другие представители *déclassé bourgeoisie*, которые скрыто симпатизировали нацистам.

Невозможно оценить число тех, кто покинул городские районы, чтобы присоединиться к партизанам. Их количество было небольшим по сравнению с крестьянами и бывшими красноармейцами. В целом, однако, городские жители партизанам симпатизировали.

Интеллигенция

Используемый здесь термин относится не столько к верхним слоям интеллигенции (профессора, писатели, редакторы, журналисты), большинство из которых были эвакуированы и которые в любом случае были немногочисленны, сколько к широким низшим слоям (местные врачи, учителя, администраторы и специалисты со средним образованием – клерки, бухгалтеры и пр.). Эти мужчины и женщины, поскольку они рассуждали исходя из своей профессиональной деятельности, скорее всего, считали, что им придется выбирать ту или иную сторону. С точки зрения партизан они были ценным пополнением отрядов. Их навыки были полезны; они были людьми, чье отношение в целом влияло на других; и немцы, в свою очередь, лишались возможности использовать их таланты и навыки. В их ряды вошло много евреев, особенно врачей.

На ранних стадиях партизанского движения интеллигенция составляла значительную группу, в которую входила большая часть офицерского состава и часть рядового состава. По мере роста партизанского движения численность этой группы уменьшалась, хотя она оставалась важным элементом партизанского движения на протяжении всей войны.

Бойцы Красной армии и советские военнопленные

За первые шесть месяцев войны немецкая армия взяла в плен более трех миллионов солдат; к концу войны эта цифра выросла до пяти миллионов. Из них около двух миллионов умерли в лагерях для военнопленных. Если, как можно предположить, поимки избежал каждый десятый, то общее число оказавшихся на захваченной территории составит более чем 300 000 человек. К этому следует добавить еще тысячи освобожденных немцами – главным образом украинцев и других, которых они считали антикоммунистами. Ужасные условия содержания военнопленных вынудили многие тысячи людей попытаться спасти свою жизнь, совершив побег. К январю 1942 года количество этих бывших советских солдат на свободе на оккупированной территории, вероятно, составляло от 300 000 до 400 000 человек.

Массовый подъем партизанского движения, последовавший за успешным наступлением советских войск зимой 1941–1942 годов, привлек туда тысячи бывших военнослужащих, и к лету 1942 года произошло самое большое пополнение рядов партизан из их числа. В июле 1942 года, в начале второго этапа, по оценкам немцев, они составляли 60 % от общего числа партизан. Эти люди стали костяком партизанского движения. Они имели военную подготовку и опыт; в большинстве своем они не имели ни семейных, ни имущественных связей на оккупированной территории; у них были определенные моральные и правовые обязательства перед Советским Союзом; их предыдущий опыт пребывания в лагерях для военнопленных заставил их предпочесть партизанскую деятельность жизни под немецкой оккупацией.

Партийцы

Как уже упоминалось ранее, на первом этапе борьбы партизаны в подавляющем большинстве состояли из членов компартии. После весны 1942 года, когда начался массовый призыв новобранцев, партийный контингент в относительном отношении резко сократился. Однако партийцы оставались элитной группой в партизанском движении на протяжении всей войны и были наиболее влиятельны. В то же время партийный элемент был важен главным образом как инструмент государственного контроля, особенно в качестве политруков и пропагандистов. Ничто не указывает на то, что партийцы действовали самостоятельно как независимая, спонтанная, творческая, направляющая сила. В силу жесткой партийной дисциплины о таких самостоятельных действиях не могло быть и речи.

Коллаборанты

Клеймо предателей пало на очень многих людей на оккупированных территориях. По определению, любого, кто не вел активной борьбы с немцами, можно было заподозрить как

минимум в пассивном коллаборационизме. Поэтому почти для всех участие в партизанском движении было ценным алиби, средством избежать преследования как коллаборанта. Это давало соответствующие возможности, но также способствовало убеждению, что, по крайней мере в последние годы войны, все партизанские отряды представляли собой команду бывших коллаборантов, которые прятались в лесах, чтобы спасти свои шкуры, и оказывали слабое сопротивление.

Наиболее значительную группу коллаборационистов составляли бывшие полицейские, солдаты вспомогательных армейских частей и члены местных воинских формирований, организованных немцами. Эти люди в прошлом действовали как основные антипартизанские силы. По разным оценкам, их численность составляла от 1 800 000 до 2 000 000 человек. Когда стало ясно, что СССР выигрывает войну, положение этих людей стало отчаянным. Партизаны, чтобы окончательно их деморализовать, обещали амнистию всем, кто дезертирует и присоединится к ним. Эти усилия оказались крайне успешными. Бывали случаи массового дезертирства целыми подразделениями коллаборантов. Каждое немецкое поражение, каждое немецкое отступление приводило к усилению дезертирства. И в целом обещанная амнистия соблюдалась. Из коллаборантов получались полезные новобранцы: у них был военный опыт, они хорошо знали местность, у них была важная стратегическая и военная информация. К середине 1943 года, когда коллаборанты были готовы дезертировать в значительном количестве, людские ресурсы перестали быть для партизан проблемой. В последний год войны бывшие коллаборанты составляли от 10 до 20 % партизанского движения.

Партизанки

Вклад женщин был значителен во всех областях противостояния нацистам – в гетто, концентрационных лагерях и лесах, а также в качестве вспомогательного персонала в регулярных армиях. Для немцев, которые сводили свое представление о роли женщины в обществе лозунгом *Kirche, Küche, und Kinder* (церковь, кухня и дети), призыв женщин на боевую службу выглядел откровенным кощунством (хотя их использовали для сбора разведанных в оккупированных зонах). Однако советское правительство, как и многие другие европейские государства, довольно активно привлекало женщин к службе в различных видах вооруженных сил. Более того, СССР рекламировал участие своих женщин в партизанских действиях как свидетельство высокой самоотверженности и решимости. Кроме того, в условиях потери большого числа мужчин женщины играли решающую роль во многих областях обороны.

Почти в каждом партизанском отряде в Советском Союзе было несколько женщин, хотя обычно они составляли не более 2–3 % от общей численности отряда и редко более 5 %. Они использовались в основном в качестве агентов разведки. Советская разведка, как правило, в значительной степени полагалась на женщин-агентов, особенно на территории, охваченной партизанским движением, где женщины оказывались лучшими агентами, поскольку мужчин призывного возраста могли арестовать на месте.

Некоторые из женщин обучались на радисток и медсестер; среди врачей, направленных в партизанские отряды, также было много женщин. Врачи имели офицерское звание. Иногда женщин направляли на боевые задания вместе с мужчинами, но, судя по всему, помимо разведывательных заданий их чаще всего использовали в качестве медицинского персонала, поваров и прачек.

Сексизм в рядах партизан наблюдался повсеместно. В большинстве случаев женщины служили в качестве обслуги, и не раз бывало, что женщин, которые отправлялись на задания по борьбе с врагом, взрывали мосты, минировали железнодорожные пути или собирали еду и одежду у местных крестьян, после возвращения на базу партизаны просили помыть посуду или заштопать носки! Тогда, как и сейчас, у женщин были «двойные задачи», и в первую очередь на них смотрели именно как на женщин, а не как на солдат.

Призыв затрагивал лишь небольшое число женщин. В основном они были добровольцами, движимыми либо политическими убеждениями (некоторые были верными коммунистками), либо жаждой приключений, либо желанием добиться для себя чего-то в обществе, где удовлетворение личных амбиций вне роли матери и жены было ограничено. Некоторые женщины-«призывницы» обучались шпионажу или радиосвязи на советской стороне фронта, но они, как правило, были комсомолками и поэтому были политически надежны.

Как утверждает Эрл Зимке в своей статье «Composition and Morale of the Partisan Movement» («Состав и моральный дух партизанского движения») в книге под редакцией Джона А. Армстронга «Soviet Partisans in World War II» («Советские партизаны во Второй мировой войне»), основной причиной включения женщин почти в каждый партизанский отряд было то, что «женщина стала одним из обязательных атрибутов каждого высокого по званию партизанского офицера... наряду с наганом и кожаной курткой!» [Ziemke 1964: 147–148]. Нередко офицеры, от командира бригады до командира батальонов, «женились» на партизанках, зачисленных в их отряд. Само собой разумеется, их жены – а у большинства из них были жены, которые сильно переживали за них, – редко знали об этих романах. «Простым» рядовым партизанам приходилось довольствоваться менее удобными решениями.

Это приводило к циничному отношению к женщинам в партизанском отряде. Ревность была обычным явлением. Из-за обладания женщиной часто вспыхивали драки, иногда даже со смертельным исходом. Женщины становились собственностью командиров, что подразумевал их офицерский статус, и поэтому «жена» командира часто властвовала над другими женщинами и мужчинами, более низкими по званию. Это приводило к неприятностям.

Например, если жена командира хотела взять одеяло, принадлежавшее женщине другого мужчины, она могла спровоцировать драку, и если мужчина бросался на защиту своей возлюбленной, это могло привести к нарушению субординации и расстрелу – особенно если командир в это время был сильно пьян.

В заключение следует отметить, что нельзя преуменьшать героические усилия многих женщин во время войны. Немцы, хотя и были в высшей степени сексистами, тем не менее считали удачей захватить партизанку, потому что те часто были исключительно хорошо информированы и обладали ценной военной информацией. Многие женщины выбирали мужественную и мучительную смерть, но не выдавали свои секреты.

Организация партизанского отряда

Привычный образ партизанского отряда – это небольшая изолированная группа, скрывающаяся в лесу или в джунглях. На самом деле партизанское движение имело очень сложную структуру. Во главе ее находился Центральный штаб партизанского движения в Москве с офицером связи при верховном командовании Красной армии. Этот штаб включал подразделения политической безопасности, пропаганды, шифрования, связи, картографии, финансов и транспорта. Он был связан с различными территориальными командными пунктами и далее с оперативными группами в тылу врага.

Эти оперативные группы также состояли из различных подразделений: охраны, связи, медицинского корпуса, отделов пропаганды и финансов. У оперативных групп были и воинские подразделения, о которых я расскажу вкратце, но был у них и политический аналог – районный или партийный центр, в котором коммунистическая партийная работа велась под эгидой наркома. В его ведении находилась партийная «пропагандистская» работа, нелегальная пресса, распространение слухов и различные связи с партизанами. При каждом партийном или районном центре существовал один или несколько районных комитетов, которые, в свою очередь, включали одну или несколько партийных ячеек и блоков. Замполит иногда обладал

большим влиянием, чем начальник военного штаба. Иногда один человек занимал обе должности (см. приложение).

Основной боевой единицей партизан был отряд, состоявший из 50-400 человек (включая собственно бойцов и вспомогательный персонал). Отряд делился на более мелкие подразделения – взводы и роты, в зависимости от численности отряда. Весной 1942 года партизан стало так много, что отряды стали объединяться в бригады, то есть три, четыре или более отрядов составляли одну бригаду, а в каждом отряде могло быть от двух до восьми взводов. Позже по ходу войны, в 1943 году, бригады обычно объединялись в соединения – бригадные группы, близкие по размерам к дивизиям (не равным, но близким к американским дивизиям) [Ainsztein 1974: 280]. Некоторые из этих партизанских отрядов состояли из большого количества гражданских лиц. Это часто становилось предметом разногласий между партизанскими командирами – следует ли заботиться о таких гражданских лицах или нет; еврейские командиры, конечно, считали своим долгом спасти как можно больше жизней, даже если большое число гражданских лиц увеличивало опасность обнаружения. Кроме того, советский Центральный штаб не одобрял существование отдельных еврейских партизанских отрядов и обязывал евреев и их командиров интегрироваться в многонациональную партизанскую структуру. Таким образом, такие известные еврейские группы, как группы Миши (Моше) Гильденмана, братьев Бельских, Иехезкеля Атласа, Иехиэля Грыншпана, Берла Лорбера и Николая Конищука, должны были в конечном итоге слиться с более крупным общепартизанским центральным командованием и потерять свою самобытность как еврейские боевые силы.

Антисемитизм в партизанском движении

Антисемитизм живуч. Его уродливая голова поднималась даже тогда, когда евреи были уже не «овцами на заклание», а доблестными бойцами. Немецкая пропаганда последовала за евреями в леса и горы. Эта пропаганда оказывала значительное влияние; она была направлена на партизанские отряды в целом и на то, что нацисты называли группами еврейских «бандитов, стоящих во главе партизанского руководства, направляющих его действия и оставляющих свой еврейский след во всех его делах»¹⁸. Немцы, конечно, преувеличивали роль еврейского руководства в движении, но ненамного – евреи стояли во главе примерно 200 партизанских групп и участвовали во всех подпольных русских организациях, хотя не всегда как евреи. Довольно часто они скрывали свое еврейство¹⁹.

Одним из последствий немецкой пропаганды против еврейских партизан было то, что советское центральное партизанское командование приняло решение о скорейшем смещении национальностей, опасаясь, что антисемитски настроенные крестьяне, проживающие вблизи партизанских баз, не согласятся поставлять продовольствие и одежду боевым группам, состоящим полностью из евреев или возглавляемым евреями. Но так бывало не всегда. Население иногда вставало на сторону еврейских партизанских отрядов, но на всякий случай вскоре большинство этих еврейских отрядов по требованию центрального командования прекратило свое существование в качестве отдельных групп.

Хорошим примером является отряд Крука, упоминаемый в этой книге, который сражался на Западной Украине, в районе Волыни, с конца 1942-го по конец 1944 года. Этот отряд состоял из более чем 200 бойцов-евреев, но его возглавлял украинский коммунист Николай Конищук. Ему позволили руководить не только потому, что он был уважаемым командиром и хорошо знал территорию, но и потому, что для «связей с общественностью» было лучше

¹⁸ Взято из предисловия Веста к [West 1968: 10].

¹⁹ Из интервью с израильским исследователем холокоста, профессором Университета Бар-Илан доктором М. Дибурзки. Maariv (израильская газета). 1964. July 28. Цит. по: [West 1968: 10].

иметь во главе нееврея, хотя все его адъютанты командиров были евреями. (К этой истории есть печальное дополнение: Конищук, действовавший под псевдонимом Крук, после войны был убит украинскими националистами.)

Антисемитизм среди партизан тоже существовал, но его не следует преувеличивать. Филосемитов было гораздо больше, особенно среди левых партизанских групп. Израильский исследователь Исраэль Гутман так высказался по этому поводу:

Партизанское движение не было свободно от антисемитизма. Крайне правые фракции польского подполья рассматривали евреев как «бандитов», рыскающих по лесам. Они разоружали евреев и даже убивали многих из них. Левые группы занимали менее враждебную позицию по отношению к евреям. В Литве, Белоруссии и Украине антисемитизм стал сдержанней после установления постоянного контакта между партизанскими районами и советским верховным командованием [Gutman 1974: 109]²⁰.

Для еврея не существовало безопасного места, но леса были безопаснее, чем гетто и лагеря смерти. Тем не менее покинуть гетто, особенно с семьей или остатками семьи, было непросто. Окружающая среда была враждебной, и евреев часто ловили или доносили на них и выдавали немцам за вознаграждение. Были единицы, кто рисковал своей жизнью, спасая жизни евреев, но такие люди составляли незначительное и храброе меньшинство.

Не все евреи и не все неевреи сразу принимались партизанами. Женщины, дети, пожилые люди, инвалиды и больные часто получали отказ. Принятие в партизанское движение зависело, прежде всего, от физической силы и военного опыта, но если чего-то не хватало, то достаточно было иметь пистолет или винтовку.

Однако и в этом случае евреям было трудно приобрести оружие; им приходилось прибегать к незаконной покупке, грабежу или добыче в бою. Многие неевреи не продавали оружие еврею, а если и продавали, то за непомерно высокую сумму. Ситуация была особенно тяжелой в тех гетто, обитатели которых поднимали восстание и пытались найти оружие.

Одной из самых больших опасностей для партизан, как для евреев, так и для неевреев, были бродячие группы крайне правых украинских националистов. Во главе этих групп стояли безымянные «атаманы», которые воевали против поляков и евреев, а также против партизан. Более политизированной группой были бандеровцы, украинские фашисты, взявшие себе имя лидера украинских националистов Степана Бандеры. Действуя под лозунгом «Самостійна Україна!», они привлекли многих украинцев в свои ряды. Немцы в начале войны пообещали независимость «свободному» украинскому народу, но вскоре, после первых побед над советскими войсками, отказались от этого обещания.

Бандеровцы, отличавшиеся крайне антикоммунистическими и антисемитскими взглядами, убивали своих жертв с чудовищной жестокостью – не с помощью винтовки или пистолета, а топорами и ножами. Их девизом было: «Против поляков! Против евреев! И красных партизан!» Неудивительно, что они вызывали ужас у населения Белоруссии и Украины и порой становились врагом номер один для партизан. На самом деле меньше людей стало жертвами немцев по сравнению с числом жертв украинских националистов. Безоружные семьи были особенно уязвимы для этих банд, и немцы платили за голову каждого убитого еврея большую премию: пуд (русская мера, равная 16 килограммам) соли, литр керосина и 20 коробков спичек. Многие евреи, бежавшие из городских гетто или от деревенских облав, попадали в руки бандеровцев [West 1968: 11–12].

Таким образом, между еврейскими и нееврейскими партизанами и их командирами (а иногда и между двумя нееврейскими лидерами) часто возникали серьезные разногласия по

²⁰ Данный материал был впервые опубликован в Encyclopedia Judaica.

поводу того, стоит ли предлагать помощь (еду, одежду и/или защиту) еврейским семьям. Это одна из печальных и полных иронии страниц войны – даже в разгар борьбы с общим врагом имели место такие разногласия и проявления ненависти среди партизан и к партизанам. От еврейского партизана требовались величайшее терпение, самообладание и выдержка, чтобы успешно выполнить свою миссию.

Препятствия на пути сопротивления

Основные сферы сопротивления, а также социальная структура советского партизанского движения были описаны выше, и теперь мы переходим к вопросу, который до сих пор занимает умы многих читателей: почему не сопротивлялось большее число евреев? Почему они не оказали физического и военного сопротивления?

Читателю необходимо в данный момент отбросить эмоциональное и интеллектуальное высокомерие и задать этот вопрос с почтением как к живым, так и к мертвым. Те, кто не был там, никогда не смогут полностью понять, что произошло, а у тех, кто был, нет ответов. Как красноречиво сказал еврейский писатель Эли Визель: «Те, кто знает, не говорят, а те, кто говорит, не знают».

Каковы были препятствия на пути к сопротивлению? Их было много, и эти препятствия касались как неевреев, так и евреев. В некоторых случаях они касались как целых семей, так и целых народов. Во-первых, очевидно, что сопротивление – это вариант, доступный не каждому. Физическое сопротивление, в силу его природы, оказывает лишь незначительное меньшинство. Другие формы сопротивления открыты для гораздо большей части населения, но, опять же, как быть с очень молодыми, очень старыми, хромыми, больными и теми, кого казнили так быстро, что у них не было времени на сопротивление? Их тоже можно назвать трусами?

Главным препятствием для сопротивления была невероятность и чудовищность преступлений как таковая. Масштабы и дерзость убийств психологически ошеломили весь мир, не говоря уже о самих евреях. Кто бы мог поверить, что культура, породившая Моцарта, Бетховена и Гёте, способна на такие деяния? Первой реакцией было отбросить саму возможность происходящего как жестокую шутку. Большинство союзных армий и их правительств также на первых порах отвергали подобные сообщения как чистой воды пропаганду.

Greuelpropaganda

Бруно Беттельгейм дает описание трех независимых психологических механизмов, которые наиболее часто использовались для борьбы с ужасами геноцида [Bettelheim 1960: 252–254]. Они основаны на убеждении, что якобы цивилизованная нация на якобы цивилизованной планете не могла опуститься до таких бесчеловечных действий. Само предположение, что современный человек так плохо контролирует свою жестокость, воспринималось как угроза индивидуальной психике.

Здесь использовались следующие защитные механизмы. Во-первых, отрицалась применимость подобного предположения к человечеству в целом путем утверждения, что столь ужасные действия (если они действительно имели место) были совершены небольшой группой безумцев или извращенцев. Суд над Эйхманом в 1961 году ясно показал противоположное: эти действия были совершены с научной и бюрократической точностью тысячами вполне обычных людей. Социальный психолог Стэнли Милгрэм подтвердил этот феномен в своих исследованиях: большинство людей скорее причинят вред своим собратьям, чем не подчинятся властям [Milgram 1973a; Milgram 1973b].

Во-вторых, правдивость сообщений отрицалась путем приписывания их сознательной пропаганде; по сути дела сами немцы, мастера этого искусства, называли его *Greuelpropaganda* (пропаганда ужаса) и прекрасно понимали, что чем более вопиющим является зверство, тем труднее в него поверить, и чем больше ложь, тем больше вероятность, что в нее поверят. При этом такая ложь должна существовать в сфере возможного и основываться на уже проявившихся мифах и предрассудках.

В-третьих, сообщениям верили, но об этом старались забыть как можно скорее. Помимо психологических механизмов человека, немцы были мастерами в том, как третировать своих жертв, сбивать их с толку и срывать любые планы побега. Уловки, которые они использовали, хорошо известны: они использовали кодовые слова, которые маскировали их истинные намерения: «переселение», «еврейский вопрос», «окончательное решение»; они заставляли людей верить, что лагеря смерти были рабочими лагерями; жертв на вокзале встречал оркестр; им давали бруски «мыла», когда они входили в газовые камеры; и кроме того, нацисты посылали открытки друзьям и родственникам жертв, описывая, как «замечательно» у них обстоят дела и как хорошо они себя чувствуют. Короче говоря, это было время, когда мораль была поставлена с ног на голову: правильное было неправильным, неправильное было правильным, истинное было ложным, а ложное было истинным. Эту же мысль повторил лидер французских партизан Доминик Поншардьё:

Это была по определению эпоха ложного: ложного бойца, ложного порядочного человека, ложного патриота, ложного любовника, ложного брата, ложного лжеца. В мире ложных носов я был из тех, у кого нос был настоящим, и мне казалось, как и всем «настоящим», что на самом деле все мы настоящие жулики²¹.

Это чувство экзистенциальной нереальности и сомнительной подлинности преследует нас до сих пор.

Коллективное возмездие

Принцип коллективной ответственности сбивал евреев с толку, препятствовал их побегу из гетто и помогал подавлять сопротивление. Например, во многих гетто при поимке бежавшего бойца убивали не только его, но и всю его семью, соседей и даже рабочую группу. Когда мужчина или женщина решались на сопротивление, они знали, что это поставит под угрозу не только их жизнь, но и жизнь родителей, детей, супругов, братьев, сестер, знакомых. Сопротивление, конечно, могло включать и побег – из гетто или концентрационного лагеря. Леон Уэллс в своих воспоминаниях «*The Janowska Road*» («Яновская дорога») делится следующей историей:

Теперь унтерштурмфюрер (офицер СС) начинает свою речь, обращая ее к нам: «Один из вас сбежал. Из-за него эти люди будут расстреляны. Отныне за каждого, кто попытается сделать то же самое, я расстреляю 20 из вас. Если я узнаю, что вы планируете побег, вы все будете расстреляны». После своей речи он повернулся к выбранным шести и расстрелял одного за другим. <...> Когда он закончил, он позвал четверых из нас, чтобы мы подобрали трупы и бросили их в огонь [Wells 1963: 190]²².

²¹ Поншардьё говорит о послевоенном освобождении Франции, но его слова справедливы и по отношению к самим военным годам. Цит. по: [Blake 1965: 272].

²² Более подробное обсуждение коллективной ответственности см. в прекрасной работе Авраама Фоксмана, на которой основано мое изложение: [Fohman 1968: 94–95].

Перед евреями в гетто стояла сложная дилемма. Если они покинут гетто, чтобы сражаться, они смогут спастись, но оставят свои семьи. Если многие бойцы покинут гетто, они ставят под угрозу жизни оставшегося населения. Но если они не окажут какого-либо сопротивления, они будут лишены привилегии отомстить за себя. Покойный историк холокоста Филипп Фридман вкратце описал эту дилемму в следующем пассаже:

В еврейском подполье Варшавы, Белостока и других гетто шла страстная дискуссия. Что им делать? Остаться в гетто или уйти в лес? Это был прежде всего моральный вопрос:

имели ли они право оставить население гетто, чтобы в одиночку противостоять врагу, или они должны были остаться и возглавить борьбу, когда наступит решающий момент истребления? После продолжительных дебатов возобладало мнение оставаться в гетто как можно дольше, несмотря на все трудности, и покинуть его только в последний момент, когда уже не будет возможности бороться или защищать население гетто [Friedman P. 1973: 276].

Немцы прекрасно понимали еврейскую психику и хорошо знали, в чем состоит слабая сторона евреев. Принцип коллективного возмездия был тесно связан с крепкими семейными узами среди евреев, и в этом евреи были уязвимы. По иронии судьбы, то, что раньше было великой силой еврейского народа, теперь превратилось в пагубную ловушку. Сплоченная структура семьи не позволяла одному или двум ее членам оставить остальных, поскольку всей семье было крайне сложно бежать из гетто. Намерение покинуть деревню или бежать из гетто или лагеря в надежде попасть к партизанам подразумевало болезненное решение оставить жену, мать, отца и ребенка.

В беседах автора с отцом эта тема подчеркивается постоянно, и она пронизана чувством вины, даже если отъезд означал возможность осуществить «некумах» (на идише – «месть») за семью:

Разве я чем-то отличаюсь от своих родителей или дочерей, чтобы я жил, а они умерли? Нет, мы были одинаковыми. Почему же тогда я остался жив? Возможно, я не смог бы им помочь, если бы остался, но, по крайней мере, мы были бы вместе до конца.

Надежда на выживание

Как уже говорилось, помимо всех скрытых уловок, полуправды, коварных ухищрений, используемых нацистами для того, чтобы заманить в ловушку евреев (и весь мир), самым эффективным инструментом был масштаб совершаемого ими зла. Это, как было показано, привело к многочисленным способам адаптации к непостижимости времени. Одним из основных стремлений человека является выживание. Надежда умирает последней. У многих евреев было чувство, что их не убьют; что они слишком ценны; что немцам «нужен» их труд, их таланты или даже их деньги. Они не хотели рисковать. Они считали, что если они будут подчиняться закону, то их пощадят. Короче говоря, сопротивление означало самоубийство; отказ от сопротивления означал жизнь, а зачем рисковать ею? Держитесь за жизнь как можно дольше²³.

Ортодоксальные евреи зачастую отказывались принимать участие в военном сопротивлении. Сопротивление для них противоречило Божьему закону; оно было равносильно самоубийству, а самоубийство считалось грехом. Лучше было довериться Богу и Его суду. До самого конца, считали они, нужно исполнять волю Божью, оставаться в живых и не рисковать смертью.

²³ Эта дилемма наглядно изображена в пьесе Артура Миллера «Это случилось в Виши» [Miller 1971: 283–342].

Единственными целями человека должны быть Кевод Хашем (на иврите «религиозная честь») и Киддуш Хашем («освящение имени Бога», «религиозное самопожертвование»).

Эта форма ненасильственного сопротивления (в некоторых отношениях почти гандистская) стала очень спорной темой. Некоторые читатели скажут, что такая форма пассивного сопротивления вовсе не является сопротивлением – это трусость и человеческая слабость, и кроме того, она привела к гибели многих евреев, которые могли бы спастись (или погибнуть в ходе активного бунта), если бы не послушали раввинов. Один из партизан, Моше Флеш, у которого автор брал интервью, испытывал подобные чувства:

Из-за Бога и религиозных ортодоксов погибло много евреев, потому что это удерживало народ от борьбы. Раввины имели сильную власть над народом. Из-за этого мне пришлось на время отойти от своей религии и перейти к борьбе.

Ненасильственное сопротивление принимало разные формы: существовали молитвенные группы и классы иврита, которые собирались в гетто и лагерях, несмотря на суровые наказания; были попытки спасти свитки Торы из горящих синагог, хотя многие люди при этом погибли; были истории о хасидах, которые молились и танцевали в религиозном экстазе до последней минуты своей жизни! Являются ли эти поступки проявлением храбрости или трусости?

Отсутствие оружия, отсутствие доверия

Одними из самых серьезных препятствий для сопротивления, после того как были преодолены психологические, теологические и семейные барьеры, были, прежде всего, отсутствие оружия и, впоследствии, отсутствие связи между евреями и внешним миром, а также отсутствие подготовленного руководства. Однако все сводилось к самому главному: в любом восстании лишь незначительное меньшинство способно сопротивляться, и эти немногие должны иметь чем дать отпор, и вот в этом успех не всегда сопутствовал евреям.

Как утверждает Филипп Фридман в своей статье «Jewish Resistance to the Nazis» («Еврейское сопротивление нацистам»):

Постоянное, бесперебойное снабжение оружием – непереносимое условие для операций сопротивления. Большинство нееврейских подпольных движений получали огромное количество оружия и другие материалы от своих правительств в изгнании и от союзных правительств. Но ни в одной стране с еврейским подпольем не обращались наравне с признанными национальными подпольными организациями [Friedman P. 1973: 277]²⁴.

Все, что должно было получить еврейское подполье, прежде должно было пройти через недружественные национальные каналы, и часто на их запросы отвечали прямым отказом, как в Виленском и Белостокском гетто, или запрашиваемое приходило слишком поздно и в смехотворно малых количествах, как в Варшавском гетто. Во время восстания в Варшавском гетто под руководством Мордехая Анелевича, после длительных и бурных переговоров с польским подпольем, еврейские партизаны в конце концов получили только 50 револьверов, 50 ручных гранат и четыре килограмма взрывчатки. Все это нужно было использовать, чтобы отбиваться от целых артиллерийских полков и воздушных атак – при этом некоторые револьверы оказались неисправны и бесполезны. Одна из основных причин, почему евреи получали так мало помощи от Армии Крайовой, польской подпольной армии, крупнейшего подпольного движе-

²⁴ Об отсутствии оружия и недоверии см. [Foxman 1968: 123–124].

ния в Польше, заключалась в том, что ее руководство было пронизано антисемитизмом [Suhl 1975: 6].

Каждый пистолет, каждая граната и каждая винтовка были на вес золота – потому что довольно часто каждый экземпляр приходилось покупать за золото на черном рынке у нелегальных торговцев оружием и дезертиров из армии, красть у охранников, солдат и крестьян или изготавливать на маленьких подпольных заводах и в ремонтных мастерских [Friedman P. 1973: 277].

Помимо нехватки оружия, между евреями и окружающими сообществами не хватало доверия и взаимопонимания. Отчасти это было связано с антисемитизмом, а отчасти с открытым страхом перед немцами, которые могли отомстить за сотрудничество с врагом (евреями, коммунистами и партизанами). По словам Эриха Гольдхагена, евреи жили не только как рыбы во враждебном море, но и как рыбы на враждебной земле. Все это препятствовало эффективной координации между еврейскими и нееврейскими боевыми группами.

Ко всему этому добавлялось отсутствие компетентного еврейского руководства. Опытные и авторитетные лидеры общин были безжалостно депортированы и уничтожены во время первых облав. Еврейские интеллектуалы, профессионалы, политические и профсоюзные лидеры, бывшие еврейские офицеры и солдаты, а также главы религиозных общин одними из первых были отправлены в трудовые лагеря или сразу убиты под различными предлогами.

К счастью, в первые годы войны нацисты не уделяли особого внимания молодежи и женщинам, поэтому руководство и рядовые члены молодежных организаций (например, «Бетар», «Хахалуц», «Дрор», «Ха-шомер Ха-цаир» и сионистские молодежные движения) выжили и стали колыбелью еврейского подполья в гетто, а позднее и в лесах.

Оценка и заключение

После суда над Эйхманом, состоявшегося около 15 лет назад, возник миф о еврее как о трусливой овце. Скоро ли на смену ему придет другой миф: о евреях как о могучих суперменах? Правда, как и сама жизнь, как и сама война, гораздо сложнее.

Как мы должны оценивать самих партизан? Стоит ли преувеличивать их роль во время Второй мировой войны? Это такая романтическая группа! Должны ли мы переоценивать их значение? Должны ли мы прославлять их? Ответы, конечно, зависят от нашей цели и от нашей роли. Религиозные и политические лидеры используют славу прошлого для укрепления своей системы убеждений или поддержания приверженности своему режиму, чтобы научить свой народ урокам прошлого и вдохновить его на будущее. Но роль историка и социолога более сложна и гораздо менее грандиозна: рассказать историю как можно более правдиво. В прошлом роль евреев в сопротивлении умалялась либо по причине невежества, либо из-за откровенных предрассудков. Многие западные историки не владели теми языками (иврит и идиш), на которых рассказывалось о еврейском участии, а многие восточноевропейские историки находились под политическим давлением или были антисемитами. В любом случае истинная история так и не стала достоянием общественности.

Следить за тем, чтобы жизненно важная роль еврейских бойцов не была забыта, оставалось еврейским писателям.

Но как же оценить этих бойцов? С военной точки зрения советское партизанское движение имело определенный успех – такой, какой может иметь любое движение сопротивления, когда ему противостоит первоклассная военная держава, но этот успех был сильно ограничен несколькими факторами, некоторые из которых были описаны выше. Партизаны испытывали

трудности от трех основных проблем, связанных с нерегулярностью, неэффективностью и контролем²⁵.

Проблема контроля была важным фактором. Роту или батальон бойцов зачастую очень трудно контролировать даже с расстояния в несколько сотен метров. Для сравнения, задача эффективного управления 60–80 тысячами партизан в том или ином секторе, разбитых, как они были разбиты, на множество слабо сплоченных отрядов в 100 и более километрах за линией противника и в тысяче километрах от центрального командования, даже при наличии надежной связи, практически невыполнима.

Во-вторых, существовала проблема неэффективности. Партизаны никогда не могли противостоять отборным полкам немецкой армии лицом к лицу, даже в тех районах и в тех обстоятельствах, которые они сами выбрали, и кроме того, они могли «захватить» только ту местность, которая была тактически невыгодна, неважна для немцев в данный период или которую из-за нехватки личного состава немцы не могли или не хотели занимать или зачищать. В тех районах, в которых немцы хотели избежать столкновения с партизанами, они просто обходили их стороной. Несмотря на то что с партизанскими отрядами часто было чрезвычайно трудно бороться, тем не менее немцы, когда видели необходимость зачистить участок тыла и не были слишком заняты на фронте, почти всегда справлялись с этой задачей.

В-третьих, существовала проблема неопытности. Такая неопытность, по словам историка армии США Эдгара Хауэлла, является большой слабостью большинства движений сопротивления, и советское движение не было исключением. Партизаны были «нерегулярными силами» во всех смыслах этого слова. Они никогда не оснащались, не обучались и не управлялись как регулярная армия и не могли приблизиться к регулярной армии по эффективности и силе. Слишком часто бойцы были лишены энтузиазма и недисциплинированы. Руководство часто было слабым. Учитывая эти факторы, неудивительно, что некоторые военные эксперты считали партизан не более чем «третьесортным ополчением» [Howell 1956: 210]²⁶.

Говоря все это, не стоит принижать сильные стороны партизанского движения, особенно в 1943–1944 годах. У него был большой запас людских ресурсов, на которые можно было положиться – людских ресурсов, отличавшихся врожденной силой, неприхотливостью, привычных к трудностям и часто хорошо знакомых с местностью, в которой они действовали. Более того, партизаны наносили удары по врагу, даже если не могли победить его. Каждый обрыв рельсов, каждая поврежденная или уничтоженная единица подвижного состава, каждый убитый, раненый или отвлеченный немецкий солдат, каждая задержка поездов с припасами наносили урон. С геополитической точки зрения партизаны были гораздо более успешны в том, чтобы не позволить немцам когда-либо полностью перейти к оккупации и экономическому управлению завоеванной территорией. Советские партизаны и их государственные комиссары также являлись фактором распространения и поддержания коммунистического контроля над территориями, которые были либо враждебными, либо нейтральными по отношению к СССР. И наконец, партизаны позволяли тем людям, которые к ним присоединялись, с достоинством и честью отомстить немцам.

Так что, несмотря на многочисленные слабости, партизанское движение и евреи в нем сыграли важную роль. Оно позволяло не просто не умереть, а достойно жить²⁷.

²⁵ Подробнее по теме см. [Howell 1956: 209–213; Macksey 1975].

²⁶ Однако Хауэлл не совсем прав, так как партизанские отряды играют важную роль и вне военного дела. Но, даже отмечая это, следует указать, что отдельные партизанские движения были достаточно эффективны. Наиболее заметными были партизаны генерала Тито в Югославии. В его рядах боролось около 2000 евреев, а первым и ближайшим соратником Тито был еврей Моша Пияде. Кроме того, советское партизанское движение сыграло чрезвычайно важную роль в сдерживании давления на немцев и их союзников, поскольку помогало СССР восстанавливать свои силы для продолжения борьбы.

²⁷ Частично текст о препятствиях на пути к сопротивлению был опубликован в [Porter 1979: 190–195]. Печатается с разрешения редакторов.

Часть первая Пролог

Партизанские рассказы Шмуэля Персова

Введение

Несмотря на изобилие литературы о холокосте, серьезные пробелы все еще остаются. Мы располагаем военными хрониками и историческими документами; мемуарами генералов и государственных деятелей; теологическими эссе и дневниками выживших; рассказами из первых рук и из вторых рук; библиографиями и обзорами – и все же, несмотря на огромное количество публикаций, остаются буквально миллионы неевреев, которые не знают, что такое холокост, и тысячи евреев, которые также не знают, что это значит.

Одним из таких пробелов является роль еврейского сопротивления в противостоянии геноциду и, в частности, роль партизанского сопротивления. Много известно о сопротивлении в гетто (особенно в Варшавском гетто) и концентрационных лагерях (особенно в Трехлинке и Аушвице), а также о роли евреев в военных подразделениях союзников. Однако значительный вклад евреев в партизанскую войну становится известен только сейчас. Некоторые книги, такие как «Soviet Partisans in World War II» («Советские партизаны во Второй мировой войне») Джона А. Армстронга, содержат лишь разрозненные упоминания о евреях. И лишь немногим (в большинстве своем журналистам и писателям, а не ученым) удалось собрать и представить масштаб вооруженного сопротивления.

Сделать это попытались четыре еврея: Моше Каганович в своей книге «Войны еврейских партизан в Восточной Европе» (на иврите и на идише); Юрий Суль в книге «They Fought Back: The Story of Jewish Resistance in Nazi Europe» («Они дали отпор: История еврейского сопротивления в нацистской Европе»); Биньямин Вест в книге «Их было много: Еврейские партизаны в Советском Союзе во время Второй мировой войны» (на иврите); и Рубен Айнштейн в своем 1000-страничном опусе «Jewish Resistance in Nazi-Occupied Eastern Europe» («Еврейское сопротивление в оккупированной нацистами Восточной Европе») – самой полной истории еврейского сопротивления, написанной на английском языке.

Тем не менее многое еще предстоит сделать. Например, есть фильмы, романы и пьесы, посвященные холокосту, но в большинстве из них не отражена роль партизан. Однако существует большой массив литературы, основанной на личных воспоминаниях евреев и неевреев, в большинстве своем на русском, польском, идише и иврите, которая ждет перевода и издания на английском языке.

Ниже представлены несколько рассказов русско-еврейского писателя Шмуэля (Самуила) Персова (1890–1952). Персов родился в Почепе Черниговской губернии Белоруссии (сейчас – территория Брянской области. – *Прим. ред.*). До 13 лет он учился в ешиве, а затем доучивался у писателя и преподавателя А. Н. Генсина. В 1905–1906 годах он активно участвовал в деятельности Бунда, а затем эмигрировал в США. Однако с началом русской революции 1917 года Персов вернулся в СССР. Он был расстрелян по приказу Сталина 12 августа 1952 года вместе с 25 другими еврейскими писателями и художниками из числа крупнейших представителей советской еврейской интеллигенции²⁸. Из-за параноидальной фобии Сталина по поводу еврей-

²⁸ Первоначально этот текст был написан на основании неполной и недостоверной информации о деле и фактических

ской угрозы его режиму более 400 ведущих деятелей еврейской культуры погибли в результате казней, пыток или в тюремном заключении.

Персов создал множество рассказов о советской жизни, включая «Kornbroit» («Ржаной хлеб») и «Rouyer Horn» («Красный рог»). Во время Второй мировой войны он много писал о еврейских партизанах в лесах и гетто. Этой теме он посвятил книгу на идише «Dain Nomen iz – Folk» («Твое имя – народ. Зарисовки о еврейских партизанах»). Она включает 21 фактографический рассказ о еврейском сопротивлении и о партизанах, которые пожертвовали своими жизнями ради спасения еврейского народа.

Многим читателям стиль Персова может показаться наивным, героическим, «пропагандистским» – в какой-то степени так оно и есть. В годы войны более 90 советских писателей были заняты в пропагандистской работе, связанной с войной. Слова этих «трубадуров» национального эпоса отражали политические цели, которым они были призваны служить. Они были ограничены рамками официальной советской идеологии, и для того, чтобы пройти цензуру, утвержденные темы необходимо было развить свежо и оригинально. На еврейских писателей ложилось дополнительное бремя – они считали необходимым доказывать своим нееврейским читателям, что евреи во время войны были не трусами и предателями, а, по сути, верными сынами и дочерьми своей страны в борьбе с фашизмом.

В первом рассказе Персова «Твое имя – народ» под «народом» подразумевается не еврейский, а советский народ. Еврей как боец, как партизан должен был быть представлен как часть целого народа, борющегося за выживание. Отчасти эта перспектива была столь важна потому, что, по крайней мере в начале войны, Сталин рекомендовал прессе и другим средствам массовой информации не делать упор на преследовании нацистами евреев, а подчеркнуть преследования в отношении всех советских народов – украинцев, белорусов, грузин и других. Сталин хотел, чтобы борьба велась во имя любимой страны, земли и дома, а не как оказание помощи евреям. Именно по этой причине в начале нацистского вторжения в СССР многие еврейские общины были застигнуты врасплох.

После войны ситуация ухудшилась. Курс полностью переменялся, а подлинная история уничтожения евреев и еврейского сопротивления замалчивалась. Более того, позже, при Хрущеве, евреи были представлены как пособники нацистов в войне против СССР!

Как и все рассказы в этой книге, рассказы Шмуэля Персова следует рассматривать на этом фоне. То же касается воспоминаний партизанских лидеров Орланда и Линькова, которые следуют за Персовым. Советскую литературу военного и послевоенного времени также следует рассматривать в контексте этих огромных ограничений. Мы сможем оценить нашу собственную свободу как писателей и читателей сегодня, когда поймем, какое давление оказывалось на советских писателей, интеллектуалов и простых граждан. Персов погиб, как и многие другие писатели, поэты и мыслители, во время сталинских чисток, но он выполнил свою задачу, изобразив евреев активными борцами и преданными гражданами.

обстоятельствах суда, которые с тех пор были прояснены благодаря публикации ранее недоступных документов из советских архивов, включая стенограммы судебных заседаний. См. [Rubenstein 2005]. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.